

СЕРГЕЙ ЧЕХИН

**ПЛАМЕННЫЕ
СЕРДЦА**

Сергей Чехин

Пламенные сердца

«Издательские решения»

Чехин С.

Пламенные сердца / С. Чехин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834745-0

Здесь дни яркие, а ночи крайне опасны. Пахнет свежим хлебом и скошенным сеном, над бескрайней дубравой вьется едва уловимый славянский дух, по трактам колятся купцы и искатели приключений, а за околицами по утрам находят следы неведомых зверей. Но шабаши плетут заговоры, во мраке пещер горят алым чьи-то злобные глаза, поднимают головы ложные боги, и даже самые высокие стены и могучие остроги не в силах защитить от тех, кому нет места среди смертных. И тогда на помощь приходят Пламенные сердца.

ISBN 978-5-44-834745-0

© Чехин С.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Ведьма и упырь	7
Глава 2. Черная сутана, алый плащ	16
Глава 3. Душитель из Четырех Трактиров	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пламенные сердца

Сергей Чехин

© Сергей Чехин, 2016

© Анатолий Борисевич, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4745-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора Здравствуй, будущий читатель

Ты стоишь на пороге моего нового мира, разительно отличающегося от всех предыдущих. Здесь нет чернухи, чрезмерной жестокости, пошлости и мата. От столь милых сердцу тем я отказался специально для тебя.

Неважно, какого ты пола и возраста, в этом мире всяк отыщет забаву по душе. Ведь каждая глава – это не просто часть пройденного героями пути. Это отдельная история с определенным посылом, поднимающим простые, но крайне важные вопросы. О семье, месте под солнцем, поисках себя, самоотверженности, отваге и трусости, ответственности и много о чем еще.

Здесь дни ярки и трудны, а ночи чрезвычайно опасны. Пахнет свежим хлебом и скошенным сеном, над бескрайней дубравой вьется едва уловимый славянский дух, по трактам колесят купцы и искатели приключений, за околицами по утрам находят следы неведомых зверей, а Свет и Тьма не всегда те, чем кажутся.

Здесь тяжело трудятся крестьяне и ремесленники, бородатые дружинники в кольчугах и вострых шлемах несут пограничные дозоры в городах-крепостях, шабаши ведьм плетут заговоры, во мраке пеицер горят алым чьи-то злобные глаза, поднимают головы ложные боги, и даже самые высокие стены и могучие остроги не в силах защитить от тех, кому нет места среди смертных.

И тогда на помощь приходят Пламенные Сердца, чьи объятые жаром клинки обращают в пепел то, что не возьмет ни серебро, ни колдовство, ни заговоренное железо. Кто они? Скоро узнаете. Ну, а пока хлеб-соль, честной народ! Добро пожаловать в Артану, на Остров четырех князей!

Здесь испокон веков Свет и Тьма идут рука об руку. Океаны крови пролились ради того, чтобы незримую черту не нарушала ни одна из сторон, однако исчадия Тьмы то и дело прорываются в мир живых и несут с собой лишь страдания и смерть.

Им по мере сил противостоят обычные люди: не колдуны, не мудрецы и даже не великие воины, но только они не боятся встретиться лицом к лицу с порождениями обители хаоса и тлена. Народная молва окрестила их Пламенными Сердцами – за бесстрашие и непоколебимость в случаях, когда иные с криками бегут прочь или падают без чувств. Их души словно факелы в безлунную ночь, их цели честны, а поступки благородны. Они далеко не единственные, кто стоят на страже Света, но они единственные, кто не убоится зла. Так было на заре времен, так будет и впредь, а это лишь одна история из бесчисленной вереницы событий.

Но кто знает, возможно именно она разожжет пламя в вашем сердце.

Глава 1. Ведьма и упырь

Он пришел в Вислы с первыми лучами солнца за. Издали его вполне можно было принять за бродягу из-за старой сутаны, истоптанных сапог и простецкого алого плаща. Образ нищего странника дополняли седая борода и тощая котомка на поясе, однако при ближайшем рассмотрении картина разительно менялась.

Одежда, несмотря на невзрачность и дешевую ткань, была прекрасно выглажена, чиста и без единой заплатки, хотя в середине необычайно жаркого июня тракт буквально утопал в пыли. За бородой тщательно ухаживали, волосы стригли по-армейски коротко, осунувшееся загорелое лицо регулярно умывали, и вот незнакомец из бродяги превращался в монаха.

Однако монахи не носили оружия, а у пожилого, но все еще крепкого мужчины рядом с сумкой покачивался одноручный меч в деревянных ножнах.

Когда он миновал околицу, все деревенские петухи закричали хором, приветствуя его как само солнце. Тут же послышался звон цепей и тихое рычание, но ни один дворовый пес не посмел гавкнуть на чужака, хотя остальных облаивали во все глотки, будь-то хоть вельможа, хоть сам князь.

Заскрипели двери и калитки, на тракт, являющийся одновременно и единственной улицей деревеньки, высыпал народ. Заспанные крестьяне в льняных рубашках и сарафанах во все глаза уставились на мужчину, не зная толком как встречать долгожданного гостя.

Странник остановился, окинул быстрым взглядом толпу и спокойно спросил:

– Где ваш староста, люди добрые?

Из-за спин раздался отрывистый вскрик и надсадное дыхание. Навстречу путнику протиснулся дородный старик, держа в одной руке хворостину, а в другой красное и распухшее ухо чумазой девчонки лет двенадцати. Судя по грязным всклокоченным волосам и рваной мешковине вместо сарафана, староста изловил нищенку и собирался немедленно наказать. Девчонка, невзирая на трепку, с упорством голодного волчонка вгрызалась в яблоко и глотала куски целиком, почти не жуя. Но дед вырвал неспелый плод изо рта, обтер о войлочную жилетку и спрятал в карман.

– Я, я староста! Трофимом кличут. Беда у нас, господин аскет, – старик низко поклонился, вынудив пленницу согнуться в три погибели.

– Надеюсь, вы позвали меня не из-за расхитительницы садов?

Селяне захохотали и покосились на старосту, покрасневшего как ухо девочки.

– Что вы, господин аскет, с этой негодницей мы сами разберемся. Еще как разберемся! Для вас же, господин аскет, работа посерьезней найдется. Упырь у нас завелся, никакого спасу нет!

– Точно! – донеслось из толпы.

– Хоть ночью из дому не ходи! – гаркнул низкорослый мужичок с кучерявой бородкой.

– А вот и нечего шастать! – ответил гневный женский голос.

– Дык а в нужник как?

– Дык а ты в свой ходи, а не в Машкин!

– А ну цыц! – прикрикнул Трофим. – Вы нас простите, господин аскет, все на взводе с этой напасти. Того и гляди в глотки друг дружке вцепимся, что ваш кровосос! Вы в дом-то проходите, покушайте, бражки испейте, отдохните с дорожки. А я пока эту козу взгрею как следует.

– Спасибо за гостеприимство, но отдыхать некогда, – строго произнес странник. – Девчонку отпустите и расскажите подробнее о вампире.

– Да как же бросить ее, господин хороший! Мы и так почти год терпели, пока эта наглядка нас обкрадывала!

Селяне закивали, хотя многие женщины и старухи держались за сердца, глядя на тощую, едва живую бродяжку.

– Неужто так сильно обкрадывала? – нахмурился гость.

– Ну как сильно... То хлеба кусок стащит, то яблоко, то куст картошки выроет. Вредительница малолетняя, хуже упыря!

– Получается, только еду крадет?

– Ну..., – староста опустил взгляд и пожал плечами, – выходит так.

– А родители ее где?

– Да волки загрызли прошлой зимой, Свет защити. Вот она и живет одна на отшибе. Хотя и вороватая, но тихая, потому и не гоним прочь.

– Но и брать на поруки тоже не собираетесь.

– Ох, не судите, господин аскет! У самих детишки по лавкам сидят, а времена нынче беспокойные, неурожайные. Нечисть лютует, князья устали без дела троны протирать, того и глядишь опять междоусобица грянет!

– Спаси Свет, спаси Свет, – запричитали в толпе.

– Ладно, пошли в дом. Но девчонку отпусти, понял?

Староста не посмел спорить с чужаком, нехотя разжал пальцы, и нищенка раненым зайцем унеслась прочь за околицу, только видели.

Войдя в просторный бревенчатый сруб, аскет удовлетворенно кивнул – несмотря на важную должность, жил Трофим небогато, можно даже сказать скромно. Бычи пузыри вместо стекол, домотканые льняные занавески, самодельная мебель и огромная, явно сложенная еще руками прадедов печь. Про детишек тоже не соврал – те и впрямь нахохленными воробьями расселись на лавках и полатах, пока женка в простецком сарафане и платке накрывала на стол.

Достала из печи исходящий паром чугунок с гречневой кашей, выставила крынки кваса и кислого молока, нарезала щедрыми ломтями хлеб. Мальцы захлебывались слюной от невообразимого запаха свежей деревенской пищи, но не смели даже прикоснуться к резным ложкам, покуда место почетного гостя пустовало.

Путник повесил на гвоздик сумку, перевязь с ножами и плащ, согласно обычаю низко поклонился, входя в комнату, и сел во главе стола. Рядом примостился Трофим, жена ушла на другой конец и замерла, сложив руки на округлом животе и смиренно уставившись в пол.

Мужчина взял краюху хлеба, но есть не стал, лишь положил на свою тарелку. Зато опрокинул полную кружку воды, смахнул капли с седой бороды и кивнул хозяину – мол, рассказывай.

– Две недели назад все началось. Тоська, дочурка Михи-кузнеца, повадилась по ночам в лес бегать. Ну, отец не особо-то переживал – дело молодое, парней у нас мало, небось из соседнего села женишок похаживает. Тем паче, дольше полуночи никогда не задерживалась. А тут утром родня проснулась – Тоськи дома нет. Подняли народ, пошли лес прочесывать, нашли... Свет упаси, лучше бы не находили. Пускай бы думали все, что медведь заел или в речке утопла... В общем, лежала Тоська, – Трофим понизил голос до шепота, – в чем мать родила. Мертвая, но счастливая такая, довольная... во весь рот улыбалась. На шее – две дырки, и крови нету. Совсем. Ни капельки не осталось. О как. Тут-то мы за вами и послали гонца.

– Еще нападения были?

– Агась. Кольки Хромого дочка – Белкой звали за волосы рыжие. Эх, девка была красы неопишуемой, из города сваты ездили! Тоже повадилась в лес бегать. Но мы-то горьким опытом научены, заперли ее в доме от греха подальше. А она... ой, Свет пощади, давай рыдать и руки заламывать – люблю, жить без него не могу! Без упыря, то бишь, представляете, господин аскет?

– Вполне, – угрюмо бросил мужчина.

– Ну вот... Заперли-то ее заперли, а он к ней в окно залез, падлюка такая. Солнышко встало – у бедняги лыба до ушей и крови нет. И никто ничего не слышал, спали все как убитые. Такие дела.

– У кого-нибудь еще симптомы есть?

– Чавось есть?

– В лес кто бегают?

– Да нет, вроде. Верка разве что, но она там постоянно ошиивается. Поутих черт проклятый, насосался кровушки, переваривает небось.

– Верка?

– Воровайка наша неприкаянная. Верой ее кличут, семья у нее больно верующая была, только не спасло их это от волков.

– Надо поговорить с ней. – Странник встал, сунул хлеб в карман и направился к двери.

– Бесполезно, господин хороший, – молвил вслед староста. – Она и раньше тихоней была, а после смерти родителей и вовсе онемела.

– И все же я попытаюсь, – ответил мужчина, застегивая пояс с ножнами.

Вера неслась по чаще из последних сил, огибая овраги, прыгая через бурелом и продираясь сквозь переплетения ветвей. На чумазом лице и черных как уголь босых ногах алели свежие царапины, в колтуны набились листва и ветки, мешковину сплошь усеивали репы.

Преследователи то отставали, то снова рвались вперед, распаленные охотничьим азартом. Некоторые умудрялись даже метать на ходу камни и комья грязи, но ни один пока еще не достиг цели.

– К реке ее, к реке! – эхом пронесся бодрый молодецкий голос. – Свинюшка не умеет плавать!

– В воду вонючку! – визгливо вторила бегущая рядом девчонка.

Деревенская детвора словно стайка волчат гнала по следу, но Вера и не думала сдаваться. Несмотря на бешено колотящееся сердце, лицо нищенки напоминало фарфоровую маску. Ни страха, ни обиды, даже мышцы, казалось, одеревенели. Ярко-голубые глаза безучастно смотрели вперед, выискивая лучшие пути для ухода от погони.

Если бы не постоянный голод и недосып, сирота бежала бы сутки напролет, пока все преследователи не упали от усталости. Но изнуренное нуждой тело слабело с каждым шагом, в легких словно разожгли костры, из-за пересохшего горла стало трудно дышать.

Чудо, что бродяжка сумела столь долго держать позади сытых и здоровых селян.

Вдруг лес расступился, Вера выбежала на берег узкой, но очень глубокой речки. Она забрала многих из тех, кто прекрасно плавал, а девочка шла на дно как топор. Речку так и прозвали – Топкая, и не было у нее ни бродов, ни отмелей. Шаг от берега – и бездонный омут.

– Попалась, воровка! – крикнул крепкий румяный парень в красной рубахе. – Лучше сама ныряй, не то пожалеешь.

Все девять преследователей сжимали в руках ивовые пруты – длинные и очень гибкие. Здоровяк щелкнул своим как кнутом и шагнул к загнанной жертве. Та попятилась, босая пятка скользнула по влажной земле, и Вера едва не юркнула в воду. Беснующееся сердечко на миг остановилось, но бродяжка даже бровью не повела. Она безо всяких эмоций взирала на малолетних палачей и с несвойственным ребенку спокойствием ожидала развязки.

– Не хочешь прыгать, да? – процедил парень. – Что же, сама напросилась. Ну-ка, взгреем ее хорошенько!

Волчата с радостными воплями и улюлюканьем взмахнули прутами.

– Я сейчас тебя взгрею, – раздался позади тихий, и оттого вдвойне пугающий возглас.

Ребятня разом обернулась и тут же бросилась врассыпную, визжа как поросята в загоне с матерым волком. Седовласый мужчина в сутане и алом плаще покачал головой и подошел

к Вере. Она стояла как вкопанная, то и дело поглядывая за спину незнакомцу, будто опасаясь продолжения сорванной расправы.

– Не бойся, – аскет протянул кусок хлеба. – Я – друг. Меня зовут Андрей, а тебя?

Девочка молчала, сверля странника подозрительным взглядом.

– Я просто хочу поговорить, – странник отошел в сторонку и присел на поваленную березу. – Если понимаешь – кивни.

Вера словно обратилась в статую и лишь водила глазами из чистейшего горного хрусталя, внимательно наблюдая за новым знакомым.

– Где-то здесь завелось... существо, – продолжил мужчина, все еще держа краюху в протянутой руке. – Оно кажется милым, добрым и заставляет испытывать чувство, похожее на самую сильную любовь. Для девушек постарше это любовь верного жениха, единственного и неповторимого спутника жизни. Тебе же, скорее всего, оно пытается заменить ушедших родителей.

Даже при упоминании страшной утраты на лице Веры не отобразилось ничего, вообще.

– Но облик его – морок, а слова – ложь. Оно мертво и остывшее сердце давно не бьется. Лишь людская кровь позволяет живому трупу влачить жалкое существование. Кровь – это все, что ему нужно. Оно высосет ее до капли, бросит тело под ближайшим кустом и пойдет подыскивать новую жертву. Так уже случилось дважды только в твоей деревне. Та же участь постигнет и тебя, если не поможешь мне.

Девочка постояла еще с полминуты, перевела дух и стремглав бросилась в лес. Серое пятно мелькнуло вдаль и скрылось за деревьями. Андрей покачал головой и направился к старосте.

Тем временем в заброшенной охотничьей избушке неподалеку от селения высокая рыжеволосая женщина разожгла костер под закопченным походным котелком. Отсветы пламени заиграли в желтых змеиных глазах, озарили круглое бледное лицо с острыми скулами и подбородком.

Она носила мужскую одежду, какую предпочитают всадники и путешественники: кожаные брюки, высокие сапоги, просторную сорочку и жилет. На шее висели украшения, к которым приличная девушка даже близко не подойдет: грубые костяные фигурки, сушеные птичьи лапки, затянутые патиной мониста и замысловатые амулеты из черных перьев.

Как только вода закипела, в котел полетели дурно пахнущие травы, измельченные в труху коренья и неведомые порошки. Вариво вмиг сделалось ядовито-синим, комнату заволокло удушающей вонью. Из-за спины ведьмы послышался сдавленный стон. Она вмиг отбросила черпак и подскочила к худому как скелет мужчине, укрытому ворохом одеял и шкур. Глаза незнакомца впали и поблескивали со дна темных как безлунная ночь кругов, черные вены на висках и шее напухли и медленно содрогались, как жирные лоснящиеся пиявки.

– Спи, милый, спи, – проговорила женщина низким каркающим голосом. – Набирайся сил.

– Он здесь, – едва слышно ответил упырь. – Я чувствую его Пламенное сердце. Оно жжется даже издали, Марфа. Надо уходить.

– Ты слишком слаб, – колдунья провела трясущимися пальцами по холодному сухому лицу, обрамленному иссиня-черными волосами. – Нужно больше крови. По лесу бегают бродяжки – не абы какая добыча, но я ее поймаю, вот увидишь.

– Мне больно, Марфа. Почему я не чувствую ничего, кроме боли?

– Потерпи, Лука. Сейчас станет легче.

Женщина откинула покрывало, обнажив грудь вампира с увитой венами полупрозрачной кожей, сквозь которую отчетливо проступали ребра. На боку кровососа зияла ровная обуглен-

ная прорезь. Ведьма зачерпнула зловонной жижи и обильно полила жуткую рану, оставленную смертельным для нечисти оружием. Если бы неизвестный боец взял чуточку выше и пронзил гнилое сердце, упырь рассыпался бы пеплом, но промашка обошлась слишком дорого – в две невинные жизни.

Лука зарычал, вытаращил глаза и выгнулся дугой, после чего упал без чувств. Марфа укрыла его и легла рядом, нежно обняв за холодную тощую шею. Поглаживая растрепанные волосы живого мертвеца, она тихонько напевала в острое искривленное ухо:

– Скоро солнышко зайдет, отомстить придет черед. Скоро править будет Тьма, спи, мой братец, засыпай.

Упырь затих, став неотличимым от трупа, коим по злему року все еще не был. Потушив угли, женщина вышла из дома и углубилась в лес.

Отыскать нищенку не составило никакого труда – ведьма прекрасно чувствовала полные жизни человеческие сердца, а сердечко девочки стучало особенно громко. Это Марфа подметила еще на подходе к деревне. Сирота стала бы лучшей целью из возможных – она привыкла каждый день бороться за место под солнцем, и тяжелая борьба закалила ее дух, насытила столь необходимой раненому брату силой. К тому же, селяне ее не хватятся, скорее даже спасибо скажут за избавление... С бродяжки-то и надо было начинать, но девчонка вела себя осторожнее зайчихи и сразу же скакала прочь – пойдешь догони. А ночью пряталась так умело, что даже Лука не мог взять след.

Но от поимки нищенки зависела жизнь родного человека, кем или чем бы он ни стал. И ради брата Марфа была готова на все, однако с появлением аскета приходилось проявлять крайнюю осторожность.

Быстро осознав, что грубый натиск ничего не даст, женщина решила на хитрость. Да, придется потратить немало сил, которые могут в любой момент понадобиться Луке, но цель полностью оправдывала средства. Ведьма взмахнула руками будто крыльями, зашептала тайные слова и обволокла себя серебристым призрачным туманом. Силуэт высокой стройной женщины исказился, утончился, поплыл, и вот на поляне перед избушкой уже стояла тощая девчонка – ровесница Веры, в драных лохмотьях и с ржавыми кандалами на запястьях. Тряхнув копной пыльных серых волос, Марфа припустила в чашу, позвякивая обрывками цепей и тяжело дыша.

Вера пока ничего не слышала и не ощущала угрозы. Сидела себе меж корней векового дуба, поджав колени к подбородку, и играла с опавшими желудями, выстраивая их рядами друг напротив друга. Те, что посвежее и почище олицетворяли войско Света, а самые гнилые и потоптанные были армией Тьмы, в авангарде которой шли все деревенские дети. Сценарий битвы был почти всегда один и тот же: сперва силы Света бодро шли в атаку, но терпели сокрушающее поражение, и на поле оставался один единственный крохотный желудь, окруженный со всех сторон злобными чудовищами. Но он не пытался бежать и не сдавался в плен, а дрался до конца, чтобы пасть смертью храбрых под натиском превосходящего числом врага.

Эта детская забава по сути была вольной переделкой настольной игры родителей с красивыми резными фигурами и замысловатыми правилами, которые девочка так и не успела освоить. И пусть ее нельзя назвать очень интересной, зато она отлично помогала на пару часиков отрешиться от полного злости и ненависти окружения.

И вот когда на последнего желудя-героя, стоявшего на ковре из поверженной нечисти, напала целая армия, рядом с ним словно из ниоткуда появилось черное перышко. Вера подняла глаза, вздрогнула всем телом и попятилась, но уперлась спиной в могучий дубовый ствол. Рядом с ней будто из воздуха возникла незнакомая девочка в рваных лохмотьях и кандалах. Это она воткнула перо рядом с желудем и теперь устало улыбалась, глядя на сироту.

– Можно поиграть с тобой? – тихо спросила она. – Я недолго, отдохну чуток и побегу дальше. За мной гонятся злые дядьки с цепями и плетками, хотят продать меня в рабство. Не выдашь, а?

Вера покачала головой, неотрывно глядя в бездонные зеленые омуты – слишком взрослые и опасные для юной беглянки.

– Хорошо, – ведьма опустилась на колени – как раз с той стороны, где стояло войско Тьмы. – Кто побеждает?

Девочка молча указала на нечисть.

– Да уж, много их. Ну ничего, я позову брата – он очень умелый воин. – Марфа взяла почерневший гнилой сучок и вонзила в землю рядом с пером. – Гляди, теперь нас трое. Сейчас мы всех проучим, да?

Злые желуди попадали один за другим. Сирота и колдунья увлеченно раздавали им щелбаны и раскидывали по траве.

– Победа! – воскликнула Марфа и потрепала соседку по макушке. – Видишь, вместе мы сила. Будь у меня такая подруга, я бы ничего не боялась. Тебя, наверное, обижают в деревне?

Вера угрюмо кивнула.

– Меня тоже не очень-то любили. Но мой отец был солдатом и никто не осмеливался обидеть его дочь. Однажды он погиб – все солдаты рано или поздно погибают, такая у них судьба – и вот тогда селяне отыгрались по полной. Слушай, а давай убежим вместе? Всяко проще будет, чего нам терпеть порознь?

Девочка опустила глаза и неуверенно повела плечами.

– Да ладно тебе. Мы с братом почти год провели в деревне. Думали, когда-нибудь от нас отвяжутся. Не-а, не отвязались. Только сильнее давить начали, со свету сживать. Похожая история, да?

Вера снова кивнула.

– Пойдем с нами, пожалуйста, – притворно взмолилась ведьма, за долгую жизнь научившаяся лгать как никто иной. – Брат ранен, я не справлюсь без твоей помощи. Если что – уйдешь, когда пожелаешь. Никто тебя силком держать не будет, ведь мы в одной беде, сестренка. Ты должна понять.

Марфа протянула руку, Вера посмотрела сперва на грязную ладонь, потом в полные фальшивых слез глаза ведьмы и медленно поднялась. Две девочки, похожие как близнецы, зашагали в сторону заброшенной избышки.

– Ну что, господин аскет, изловили упыря? – спросил Трофим с порога.

– Нет. – Андрей вернул ножны на крючок. – Даже не нашел еще.

– Хм, странно... Думал, у вас чуйка на них особая. Да и забить гадину днем сподручнее.

– Бросьте, я обычный человек. А вот насчет дня вы совершенно правы, потому-то вампиры столь тщательно прячутся. У вас тут поблизости никаких пещер нет? Или шахт заброшенных?

Староста почесал лысую макушку и развел руками:

– Окромясь тракту ничего примечательного не имеется, уж извините. Кушать будете? Женка картошечки пожарила с лучком!

– Спасибо, не голоден. Вы бы лучше Веру покормили, коль еда лишняя есть.

– Дык а зачем ее кормить? Она ж на упыря не охотится. Да и работница из нее никудышная, даже свиней выпастить не может.

– А может ей просто не дают работать? Сложно чего-то добиться, если тебя гонят вся деревенская шпана.

– Да вы что? – воскликнул старик, схватившись за сердце.

– К чему это фальшивое удивление? – устало хмыкнул Андрей. – Прекрасно все знаете, но ничего не делаете. Отвезли бы девчонку в город и отдали б в приют... Мне же кажется, вы просто пытаетесь сжить ее со Свету. Ведь тогда изба достанется вам, верно?

– Ой, клеветаете! Ой, наговариваете! – запричитал Трофим. – Да я бы... я бы вот к себе б ее взял, да местов нетути, сами поглядите – все по лавкам, да по полатам. Куда же вы, господин аскет?

– Где она живет?

– Из ворот выйдите – третий дом налево по нашей стороне.

– Хорошо. Там и заночую.

– Как же... а мы вам на печке лежанку подготовили! Теплую, с тремя одеялами.

– Мне трех не нужно. Плохо, знаете ли, когда у одного – три, а другого – ни одного. Спокойной ночи, господин староста.

– А если упырь залезет?

Странник пожал плечами:

– Картошечки ему предложите. Или лежанку теплую.

Прикрыв за собой дверь, Андрей вышел на улицу. Он сразу же нашел дом Веры – изба выделялась на фоне соседей как плешивая хромая дворняга среди породистой стаи. Прогнившая насквозь соломенная крыша, покосившиеся покрытые мхом стены, заросший бурьяном двор, дырявый забор с выломанными досками... жалкое зрелище. Как здесь жить-то вообще, особенно зимой?

Едва аскет коснулся калитки, та чуть не упала, качнувшись на ржавой петле. Детвора с интересом наблюдала, как странник продирается сквозь кусты крапивы и лопухов в половину его роста. Он будто плыл в зеленом колышущемся море и постоянно озирался по сторонам, выискивая кого-то. Но не слышал ничего, кроме копошения мышей под полом да шипения диких кошек, которым такая хибара краше княжеского терема.

– А где хозяйка? – сдался наконец Андрей.

– В лесу, – пискнула девочка лет восьми с большой тряпичной куклой в руках. – Она дома только ночует, да и то не всегда.

– Ясно. Что же, насчет ночевки тут я тоже погорячился. Но и к старосте не пойду. Слушай, а где Веру можно найти? Может, у нее места излюбленные есть?

– Если б мы знали, – красноречиво ответил толстый паренек с хворостиной за поясом. – Правда, недалеко есть старый охотничий домик. Думали, она там прячется, даже пару раз засаду устроили, но все впустую.

Мальчишка говорил столь спокойно и обыденно, словно обсуждал охоту на зверя, а не на человека. Видимо, травля сироты не только не возбранилась, но и всецело одобрялась. Андрей бросил хмурый взгляд на дом старосты, но спросил о другом:

– А чего сами там не играете?

– Страшно, – пискнула девочка, обняв куклу.

– Ага, – кивнул толстяк. – Раньше играли, а сейчас боязно даже днем. Каким-то недобрым домик стал.

– Как его найти?

– Да вон туда идите, не промахнетесь, – парень ткнул пальцем в сторону леса.

– Спасибо, – Андрей положил ладонь на рукоять меча и быстрым шагом пошел в указанном направлении.

Сирота сама не поняла, как оказалась на пороге заброшенной избы – так сильно ее одурманили заклятиями и сладкими речами. А когда в полной мере осознала незавидную участь – деваться было некуда: единственную дверь караулила ведьма с изогнутым кинжалом в руке, с острия которого капала ярко-синяя жижa, пахнущая тухлыми яйцами и бузиной.

– Иди в угол и сиди смирно, – прошептала женщина, совсем недавно бывшая доброй и ласковой беглянкой. – А то свяжу.

Вера подчинилась. Села в излюбленную позу, прижав колени к подбородку, и уставилась на уродливое полуразложившееся тело в углу. Она уже догадалась, что угодила в лапы злой колдуньи, но зачем ей укрытый труп и представить не могла.

Однако «труп» внезапно пошевелился, открыл черную осунувшуюся пасть и глухо простонал:

– Пить...

– Потерпи, братец, – с легким раздражением отозвалась Марфа. – Дождись заката. Я чертовски устала, а эта коза без боя не сдастся.

– Не могу ждать... Жжется... Больно!

Ворох тряпья зашевелился, и живой мертвец, больше похожий на обтянутый белой кожей скелет, выпрямился в полный рост. Из раны на боку посыпался пепел, вампир зажмурился и стиснул зубы, и тут-то Вера заметила клыки – в разы длиннее и острее, чем у обычного человека.

Страх накатил на изнеможенное тельце, сковал мышцы, заморозил живот, спутал мысли. И лишь сердце билось громко и ровно, источая живительное тепло и отгоняя волну первобытного ужаса. Впрочем, это длилось недолго. Стоило кровососу шагнуть к жертве и выставить перед собой скрюченные когтистые пальцы, бродяжка вновь оцепенела. Она не могла отвести взгляда от красных, похожих на тлеющие уголья глаз.

– Не бойся, – прохрипело чудовище. – Иди ко мне.

И тут упырь начал меняться, как и его сестра-ведьма часом ранее. Серебристый туман окутал тощую фигуру, черты уродливого лица смазались, и вот перед Верой стоял широкоплечий улыбчивый мужчина с румяными щеками и косматой рыжей бородой.

– Иди к папочке! – радостно воскликнул человек. – Я так долго ждал встречи с тобой, солнышко! Нас не загрызли волки, а похитили разбойники и продали в рабство! Но нам попался милосердный хозяин, и когда мы отработали деньги, он отпустил нас на все четыре стороны! Обними же меня, зайчонок!

На чумазом лице девочки забелели бороздки слез. Краешки губ впервые за долгое время приподнялись, сирота измученно улыбнулась.

– Иди ко мне, – чарующе шептал отец, неотрывно глядя на ребенка. – Я так долго ждал.

Вера медленно поднялась и шагнула к объятому мороком чудовищу. А затем взмахнула рукой и бросила прямо в гнилую рожу горсть пыли и грязи, которые устлали пол подобно ковру. Тварь заревела и закрыла лицо ладонями, в следующий миг девочка молнией пролетела мимо и вцепилась в дверную ручку. Но та не поддавалась ни на ноготок, как бы сильно бродяжка не тянула на себя.

За спиной раздался надрывный хохот. Ведьма схватила сироту за волосы, хорошенько потряхнула и бросила в угол. Вера кубарем прокатилась по полу и сама вдоволь наглоталась пыли.

– Мелкая дрянь! – прорычал вампир, явив истинный облик. – Думала, мы настолько тупы, что забудем запереть дверь?! Я высосу тебя досуха и сделаю это как можно больнее. Уж поверь, твой труп не будет счастливо улыбаться!

Пробивающийся сквозь щели в бревнах свет стал багрово-золотым – солнце почти зашло, и порождение Тьмы становилось сильнее с каждой секундой. Оно больше не напоминало трухлявый остов, в нем ощущалась мощь потусторонних ветров. Глаза полыхали ярче, клыки стали еще длиннее. Вера отвернулась, не в силах смотреть на мерзкую тварь. Но тут холодная клешня сжала ее предплечье и потянула вверх. Девочка повисла под самым потолком – столь высоким сделался упырь. Он раззявил пасть, целясь в пульсирующую на шее вену, как вдруг дверь разлетелась на мелкие щепы, будто ее высадили тараном.

В дом вошел Андрей, держа меч наизготовку. Клинок объяло яркое пламя, будто его облили маслом или окунули в смолу и подожгли. Никогда прежде сирота не видела, чтобы металл горел как факел.

– Лука из Инрока! – рявкнул аскет, описав мечом огненный круг. – Я пришел закончить начатое!

– Задержи его! – крикнул вампир сестре.

Марфа с быстротой и ловкостью пантеры набросилась на странника, без устали размахивая отравленным кинжалом. Андрей был вынужден отступить на шаг, а упырь собрался немедленно отведать свежей кровушки. Но жизнь научила Веру никогда не сдаваться, даже в самых безвыходных ситуациях. Она с размаху саданула гадине коленкой в челюсть. Гнилая кость громко хрустнула, Лука взвыл и выронил добычу. Девочка прямо на четвереньках метнулась к выходу, но ведьма успела заметить побег и пресекла его на корню.

Умело извернувшись, она ушла от удара пламенного клинка и одновременно лягнула сироту пяткой в живот. Вера вскрикнула и свернулась калачиком на грязном земляном полу. Вампир с перекошенным, и оттого во сто крат более страшным ртом, тут же бросился к ребенку. Видимо, он пытался что-то сказать, но из искалеченной пасти доносились лишь бульканье и невнятное бормотание.

Если бы он меньше болтал, бой закончился бы иначе. Андрей загодя приметил маневр упыря и намеренно подставился под колющий выпад ведьмы. Марфа промахнулась, лишь впопыхов сунула на плече, зато аскет одним движением пронзил поганое сердце. Послышался глухой удар, следом еще один, потише – то выпал кинжал из руки сестры вампира.

Женщина рухнула на колени перед обретшим долгожданный покой братом, обхватила его голову и прижала к груди. И завывала как выпь, раскачиваясь из стороны в сторону, обливаясь жгучими слезами – впервые за долгие десятилетия настоящими, не притворными.

– Мелкая дрянь! – вдруг прошипела она. – Когда-нибудь ты окажешься на моем месте. Клянусь Тьмой!

Сказав это, ведьма обратилась вороной и выпорхнула прочь через дыру в крыше. Серые крылья разметали пепел по комнате, и от Луки из Инрока остались одни воспоминания.

– Плохо, – шепнул аскет, глядя на черное небо в прорехе. – Очень плохо. Теперь она не оставит тебя. Клятва Тьмой... нет ничего страшнее ни в этом мире, ни в том. Только в нашей крепости ты будешь надежно защищена, но вести тебя супротив воли я не могу. Ответь, ты пойдешь со мной?

Девочка надолго уставилась в усталые глаза странника, и после раздумий коротко кивнула.

Свет порой жесток, но Тьма всяко хуже

Глава 2. Черная сутана, алый плащ

Андрей и Вера вернулись в деревню затемно и сразу же пошли к дому старосты. Из окон доносились стук посуды и тихие разговоры, никто не спешил открывать поздним гостям. Но аскет был настойчив, к двери наконец протопало грузное тело и послышался недовольный возглас:

- Ну кого там среди ночи черти принесли?
- Упыря заказывали? – с усмешкой бросил странник.

Трофим выскочил на крыльцо и сжал Андрея в медвежьих объятиях. Хотел еще в обе щеки расцеловать, но мужчина вовремя отстранился.

- Ох, камень с души, господин хороший! Как мне вас отблагодарить?
- Растопленной банькой, узелком свежей еды и одеждой для девочки лет двенадцати.
- А зачем вам одежда для девочки? – удивился старик.
- Не мне. Ей.

Аскет отступил в сторонку, открыв взору Веру. Она снова изображала статую, вытянув руки по швам и безучастно глядя куда-то перед собой.

Трофим нахмурился и как бы невзначай бросил:

- Обычно вы не берете плату...
- Верно, – Андрей кивнул. – Особенно с крестьян. Но лично мне ничего не нужно, а вот девочка в таком виде далеко не уйдет.

– А куда она собралась? – все еще ничего не понимал хозяин.

– Мы уходим, Трофим. Скорее всего, навсегда. Ты же давно положил глаз на ее дом – ну так вот... Одежка и немного пищи достойный обмен, как считаешь?

Староста даже не попытался скрыть довольную ухмылку, его тусклые глазки алчно сверкнули.

– Женка! А ну дуй сюда быстро!

Хозяйка стрелой вылетела из-за стола и остановилась напротив мужа, сложив руки на животе и потупив взгляд.

- Баню растопить, – толстяк загнул палец. – Сиротинушку помыть.
- Хорошенько помыть, – добавил аскет.
- Да, мыла и травок не жалеть, в общем. Вещичек ей подыскать – у Маньки в сундуке должно кое-чего остаться, поищешь. Узелок в дорогу на двоих собрать, уголок рядом с печкой постелить. Запомнила?

Женщина затравленно кивнула, поманила Веру за собой и вышла во двор.

– А вы, господин хороший, настоечки выпить не желаете? Дельце, так сказать, обмыть.

Андрей тихо вздохнул и покачал головой:

– Спасибо, не пью. А вот от чаю не откажусь.

– А чего не пьете? Вера не позволяет?

– Мы верим в Свет не истовой других. – Мужчина сел во главе стола и сжал в мозолистых ладонях горячую глиняную кружку. – Просто есть... определенные правила. Первое, и самое главное, гласит: чем меньше соблазнов, тем длиннее путь во Тьму.

– О как! – выдохнул старик и опрокинул чарку ароматного напитка. – Тогда по второй – за победу над Тьмой!

– Ее невозможно победить, – устало бросил Андрей, вставая со стула. – Ей можно лишь не поддаться. Спокойной ночи, господин староста.

Утром аскета провожали всей деревней. Причем очень многие селяне ломали головы, кто эта девочка рядом со странником? Мало кто мог вообразить, что баня и приличная одежда пре-

вратят лохматое чучелко в голубоглазую красавицу со светло-золотыми прямыми волосами, в белом сарафане и поношенных, но все еще крепких башмачках.

После добротной баньки от чумазой бродяжки не осталось и следа, и румяный крепыш, еще вчера едва не отлупивший ее хворостиной, теперь не мог отвести взгляда и захлопнуть рта.

– Вот и все, – молвил Андрей, когда Вислы остались далеко позади. – Со старой жизнью покончено. Не жалеешь?

Вера качнула головой.

– А чего тогда молчишь? Или впрямь немая?

Снова тот же жест.

– Просто не любишь разговаривать? Ох, у нас в крепости паренек один есть, Кристаном кличут – трещит без умолку как сорока. Всех уже достал, но ты станешь для него отличной собеседницей.

Девочка пожала плечами – мол, возможно. Аскет добродушно рассмеялся и потрепал спутницу по макушке.

– Это шутка такая, чего дуешься?

Но сирота и не думала дуться. Лишь продолжала упорно отыгрывать роль фарфоровой куклы, неотрывно глядя перед собой.

– Крепость у нас красивая, на выступе скалы стоит, а под ней речка бурная, вся от пены белая. Раньше там была дозорная башня, с ее крыши весь Ладин видно, да еще Инрока кусочек, если погода ясная. Пять веков назад первые из ордена обосновались на скале, перенесли стены, построили новые дома, подлатали старые. Из крохотного форпоста получился настоящий городок. Вот увидишь, тебе понравится.

Вера ничего не ответила.

– Будет у тебя своя келья, но и поработать придется. Ладно, на месте все покажу, а то разболтался уже что та сорока.

Час спустя поля и луга уперлись в край леса, и дальше тракт пополз по густой чаще. Кроны вековых деревьев сплелись над дорогой, образовав почти непроницаемый для света коридор, отчего тут царил полумрак как самым ранним утром. Но ни аскета, ни его спутницу это не пугало – со всех сторон доносилось задорное птичье пение, теплый ветерок приятно обдувал вспотевшие лица, лес шелестел листвой и трещал ветвями.

Иначе говоря, никаких следов присутствия Тьмы. Ведь когда зло рядом, всякое живое существо торопится схорониться, даже ветер смолкает, а воздух становится холодным. Пока же единственную угрозу для спутников представляли разбойники и дикие звери, но первые и под страхом смерти не сунутся к аскету, а вторые быстро поймут, что с огненным клинком шутки плохи.

Вдруг впереди послышался громкий скрип и отчаянные удары хлыста. Андрей и Вера сошли на обочину – и как раз вовремя: из-за поворота вылетела телега, запряженная парой молодых быков. Она неслась с такой скоростью, будто за ней летела стая демонов. На козлах сидел коренастый мужик с черной бородой в три кулака, и в привычной для Инрока одежде: красных шароварах, белой рубахе и зипуне. Какая бы нужда не заставила его так гнать, ни колес, ни осей, ни скотину он не жалел.

К удивлению странника, возница затормозил прямо перед ним, низко поклонился и зататорил с характерным для западного княжества говором:

– Панэ аскэт, панэ аскэт! Хвалэ Свэту, я вас нашэл. У панэ Крэчэта дочкэ слеглэ, он послал в Ладин за лэкарэм, но тот прэбудэ толькэ завтрэ, а бэднэ дэвочкэ сохнэ на глазэ! Панэ аскэт, молва жэ не врэ, вы свэдушэ в исцэлэнэ, помогитэ, Свэта радэ, панэ Кречет в долгэ нэ останэ!

– Как тебя зовут? – спокойно спросил Андрей.

– Эрик.

- А далеко ли пан Кречет живет?
- Шэст вэрст, на тэлэгэ раз и там.
- Едем.

Аскет сел рядом с возницей, Вера забралась в кузов. Эрик резко развернулся, едва не опрокинув телегу, и помчал обратно. Андрей, чуть свалившись на землю при первом же ухабе, велел осадить и ехать потише.

– Не гони, брат, не гони. Если расшибемся по пути, то точно опоздаем. Лучше расскажи, что за хворь у девочки?

– Свэт еэ разбэрэт. Спэрвэ лэгкэ усталэ, потом эсть нэ хотэ, а сэгоднэ утром слэглэ и едвэ дышэ. Блэднэ всэ, тощэ и холоднэ.

– Сколько ей лет?

Эрик показал раскрытую ладонь.

– Пан в деревне живет или в городе?

– Своэ фэрмэ. Коровэ разводэ нэмногэ.

– Что-нибудь необычное случилось?

– Нэдэлэ назэ жинкэ помэрлэ. Панэ горэвэ страшнэ, мэстэ сэбэ нэ находэ. А тут и дочкэ ещэ, Свэт сохранэ.

– А больше никто не болел?

– Я отравэлсэ намэднэ чем-тэ, этэ щитэ?

– Нет. Ладно, на месте разберемся.

Три версты спусть возница свернул на узкую дорожку, петляющую меж дубовых и березовых стволов. С каждой минутой становилось все светлее, и вскоре дорожка вывела на огромную поляну с избой на отшибе. Прямо к дому был пристроен сарай с соломенной крышей, откуда доносилось ленивое мычание. Три пятнистые коровы паслись неподалеку под присмотром огромного серого волкодава. Больше никого Андрей поблизости не заметил.

Когда телега остановилась у крыльца, пес сорвался с места и оббежал ее по кругу, внимательно присматриваясь к чужакам. На аскета он метнул боязливый взгляд и поспешно отвернул морду, зато Вера заинтересовала его куда больше.

Пес забрался передними лапами в кузов и потянул к девочке мокрый черный нос размером с ее кулак.

– Рэпэй, кыш отсэдэ! – сердито бросил Эрик, и лохмач галопом умчал к буренкам.

Дверь сарая открылась, навстречу гостям вышел высокий худощавый усач с ведром парного молока. Он носил черные шаровары, жилетку, белую рубаху и того же цвета башмаки – так уроженцы Инрока обозначали траур. Навскидку ему можно дать лет сорок, но посеревшая кожа и круги под глазами сильно старили некогда веселого и жизнерадостного мужчину.

Он поставил ношу, положил руку на сердце и низко поклонился.

– Господин аскет, добро пожаловать. Я – Кречет, – сказал фермер на чистейшем ладинском.

– Андрей. А это Вера.

– О, вы взяли ученицу. – Хозяин поклонился и девочке тоже.

– Не совсем. Скорее взял опекунство. Что у вас приключилось?

– Пройдемте в дом, – с печалью произнес Кречет.

Ступив за порог, странник сразу отметил традиционное убранство Инрока, тесно перемешанное с обычаями Ладина, будто хозяин пытался перенести частичку родной культуры, но на самом крыльце уронил и все перемешалось. Как и на востоке, весь первый этаж представлял собой одну большую комнату, однако огромная печь посередине отсутствовала. Вместо нее в двух углах напротив входа теснились небольшие кирпичные каминны – один летом, два для зимы.

Бревенчатые стены, которые ладинцы никогда не прятали, завесили широкими красно-черными коврами с разномастными узорами. А вот окна, наоборот, оставили неприкрытыми, зато вместо занавесок приколотили крепкие ставни.

Спали жители Инрока прямо на полу, вместо дощатых лавок вдоль стен лежали аккуратно сложенные одеяла и простыни поверх набитых соломой матрасов. Лесов на западе мало, древесина жутко дорогая, отчего стулья и табуреты там водились только у вельмож и князей. Обеденный стол простого человека был не выше ладинской скамейки, да и шириной не больно-то отличался. Несведущие в обычаях соседей гости то и дело норовили сесть на него, и в прошлом из-за подобных okazji случилось немало войн.

Еще одной необычной деталью можно назвать портрет в углу под самым потолком, накрытый черной вуалью. Сквозь ткань проглядывало изображение веселой молодой женщины с курчавыми волосами цвета спелой пшеницы. На полочке рядом с ним курилась ароматным травяным дымом глиняная вазочка.

– Ее звали Мила, – сказал Кречет, сев на колени перед портретом. – Дочка так на нее похожа.

Андрей не сразу заметил бледного, будто высушенного ребенка прямо под картиной. Девочка лежала под толстым одеялом, чуть дыша и неотрывно глядя в потолок налитыми кровью глазенками.

– Одну минуту, пан, – сказал аскет, отводя Веру в сторонку и шепча на ухо: – Выручай, без тебя не справлюсь. Сходи на поляну, отыщи три ветки крапивы, корень лопуха и горсть ромашек. Помой все хорошенько и неси сюда. Сделаешь?

Сирота кивнула.

– Вот и умница. Ступай.

Когда подопечная ушла, Андрей сел у изголовья постели и достал из сумки мешочек с остро пахнущими шариками буро-красного цвета, взял один и сунул под губу больной.

– Это поможет? – с надеждой спросил Кречет. – Соня поправится?

– Всего лишь обезболивающее. Скажите, она кричит по ночам? Проявляет ли беспокойство перед заходом солнца? Ухудшается ли ее самочувствие с наступлением темноты?

– Я не... нет, господин аскет, ничего такого не замечаю, – неуверенно ответил мужчина.

– Хорошо. Тогда вскипятите котелок воды, пожалуйста.

Вера нашла ромашки и лопух, а вот с крапивой замешкалась – почти всю выели коровы. Любят буренки ее страсть, а толстым языкам нипочем ожоги. Вдобавок Репей постоянно мельтешил под ногами и требовал бросать ему палку. Как девочка не старалась метнуть ветку подальше, шустрый пес тут же ее приносил и с громким лаем начинал прыгать вокруг, выпрашивая продолжение игры.

Один раз палка улетела в лес, волкодав замер у кромки и долго рычал на деревья, не решаясь переступить видимую лишь ему черту. Судя по нежеванным зарослям крапивы, коровы тоже побаивались ходить в ту сторону. Когда же Вера приблизилась, Репей заслонил дорогу мохнатой тушей, и все попытки обойти его не увенчались успехом. Пришлось искать растение в другом месте, а бродить по обильно удобренной поляне – то еще удовольствие.

Закончив, Вера вернулась в дом и отдала травы сидящему у огня аскету. Андрей бросил их в кипяток и добавил по щепотке сушеных шалфея, мяты и цветков липы. Комнату затянуло странным запахом – не противным, но и приятным его никак не назовешь.

– Не очень-то похоже на целебное снадобье, – сказал Кречет, поморщившись.

– А это и не снадобье, – спокойно ответил Андрей, помешивая половником светло-зеленую жижу. – Отвар даст мне сил для ночного бдения. Я буду молиться до первых петухов.

– Я не держу петухов, – раздраженно бросил фермер. – И Соне нужно лекарство, а не слова!

– От этого недуга лекарства нет. По крайней мере, в мире смертных. Возможно, оно имеется на Той Стороне, но добрым людям путь туда заказан.

– На что вы намекаете?

– Ни на что. Просто сообщаю свои домыслы. В первую очередь я аскет, и лишь потом врачеватель. Скажите, где могила вашей жены?

– У нее нет могилы.

Андрей приподнял бровь и кивнул:

– Сжигание, полагаю? По обычаям Инрока?

– Именно! А раз вы ничем не можете помочь – идите своей дорогой, не смею задерживать. Сражайтесь с призраками, вампирами или чем вы там промышляете. А нам лучше дожидаться доктора.

– Этой ночью девочка умрет, – сказал странник таким тоном, что даже Вера вздрогнула. – Если меня не будет рядом. Нечто приходит к ней после заката... нечто злое и вытягивает силы. Еще одну встречу с Тьмой Соня не переживет.

– Ерунда! – Кречет скрестил руки на груди. – Бедняжка просто подхватила то, в чем вы не разбираетесь. Вот и все.

– Хорошо, – Андрей поднялся и направился к двери. – Вижу, вы уверены в своей правоте, посему не смею более докучать вам. Провожать не надо.

Странник уже взялся за ручку, когда за спиной раздался встревоженный возглас:

– Подождите! Останьтесь, если хотите, мне-то не жалко, изба большая. Тем паче, хуже Сонечке не будет. Да и сейчас на стол накроем, отобедаете хоть.

– Разумное решение, – с улыбкой сказал аскет.

Мужчина кликнул Эрика, и тот принес из погреба копченую говядину, большущую головку сыра, студеное молоко, масло и свежий хлеб – продукты, типичные для коровьего хозяйства.

– Вы уж простите, – молвил Кречет, ловко нарезая мясо охотничьим ножом. – Горячего нет, а без Милочки все из рук валится. Эх, знали бы вы, какие супы она стряпала. Чудо, а не женщина.

– Упокой Свет ее душу, – сказал Андрей, подняв чашку с пахучим отваром.

Все повторили за ним, кроме Веры, но на молчание девочки в поминальную минуту никто не обратил внимания. Сделав глоток, странник положил на блюдо кусок хлеба – тем и ограничился. Сирота, то ли из напускной скромности, то ли из желания подражать аскету тоже взяла одну краюшку. И тут же нарвалась на незлобный, но все же выговор:

– Ешь давай хорошенько, а то братья примут тебя за нежить. И так сарафан как на вешалке болтается, скелет ходячий.

Девочка кивнула и больше не стеснялась, набрав полную тарелку домашней вкуснятины.

– Расскажите о ней, господин Кречет, – Андрей кивнул на покрытый вуалью портрет.

– Да что рассказывать... Я не рыцарь, она не княжна... Обычные люди, обычная встреча. Семь лет назад на границе Инрока и Тура вспыхнула война, пришлось срочно продать всех коров и бежать. Три тысячи голов тогда держал, так что приехал в Ладин знатным жениш-ком. Сперва хотел переждать и вернуться, но война все не утихала, а потом познакомился на ярмарке с Милой. Я не верил любовь с первого взгляда, пока не увидел ее. Она показалась мне самой красивой девушкой на свете, я ей тоже приглянулся. Так вот и поженились – тихо, мирно, по-деревенски.

– Понимаю, вопрос прозвучит грубо и неуместно, но как ваша жена умерла?

– Пошла в лес за грибами и наткнулась на бешеную лису. Две недели – и все.

– Соболезную, – искренне произнес аскет.

Кречет кивнул и отхлебнул вина.

– А у вас супруга, дети есть? Или вера запрещает?

– Никто и ничто не может запретить даровать новую жизнь. Просто с нашей службой на семью времени ну совсем не остается. Однако порой Свет неожиданно-негаданно подкидывает детишек на исходе-то лет, – Андрей посмотрел на Веру и улыбнулся. Девочка свела брови и продолжила медленно жевать бутерброд с сыром.

– Если еще и Соня умрет...., – произнес хозяин, проведя ладонью по лицу, и замолчал. Продолжение не требовалось, всем и так все стало понятно.

– Не умрет, – сказал Андрей. – Не в эту ночь точно. Отдыхайте пока, а мы с Верой немного погуляем, подышим свежим воздухом.

Выйдя за порог, аскет склонился к девочке и тихо спросил:

– Нашла что-нибудь необычное?

Сирота кивнула.

– Показывай.

Странное место в северной части поляны буквально сразу же бросалось в глаза. Пятак земли три на три шага, обильно заросший бурьяном, четко давал понять: животные сюда ни лапой, ни копытом. А домашняя скотина на влияние Той Стороны очень чуткая, и просто так отказываться от сочной травы не будет.

– Иди в дом и помогай Кречету, – велел Андрей. – За мной не ходи.

Девочка послушно кивнула, а странник углубился в лес. Он ожидал найти тропинку или хоть какие-то следы, но среди толстых корней лежал плотный зеленый ковер без малейших намеков куда идти. Но источник зла не мог находиться далеко, иначе не зацепил бы поляну, поэтому аскет решил просто идти на север.

И не прогадал. Через триста шагов он наткнулся на выступ скальной породы с зияющей черной дырой у подножья. Сперва подумал, что обнаружил на небольшую пещеру, однако тоннелю не было видно ни конца, ни края. Он уходил глубоко во Тьму, многократно разветвляясь, и представлял собой гранитную шахту – столь древнюю, что строители еще не умели укреплять ходы балками и подпорками, и просто вгрызались в камень примитивными кирками и долотами.

Аскет прогулялся по тесному лазу до первой развилки и вернулся. Без мотка прочной веревки или хотя бы кусочка мела лучше не пытаться исследовать подземелье – заблудишься в два счета. Но где-то там, глубоко в вечной Тьме притаилось нечто недоброе, пугающее скот и, скорее всего, сосущее силы из несчастного ребенка.

Не исключено, что на Милу напала вовсе не лиса, а тварь с Той Стороны, потерявшая страх от запаха свежей крови и отважившаяся выбраться из логова при свете дня. Так или иначе, искать ее в переплетении коридоров пока рано.

Постояв немного у входа, но так ничего не услышав, аскет вернулся в избу. Дело шло к закату, совсем скоро начиналось ночное бдение, поэтому от ужина мужчина отказался. Набрал полную кружку остывшего отвара, зажег свечу, сел у изголовья девочки и закрыл глаза, будто заснул на коленях. Но тонкие сухие губы непрерывно двигались, неслышно для уха человека вознося молитвы Свету.

Домочадцы старались не шуметь, боясь ненароком помешать аскету, и сразу после еды засобирались на боковую.

Далеко за полночь Веру разбудили тихие шаги снаружи. Некто тихонько бродил вокруг дома, а могучий сторожевой пес и не думал даже лаять. Это показалось девочке странным. Сперва она подумала, что кто-то из своих вышел до ветру, но аскет продолжал молиться в углу, а остальные беспокойно спали.

Эрик постоянно ворочался, Кречет лежал в раскоряку, почти сползши с матраса на пол, только Соня была неподвижна как кукла, и Вера не знала, хорошо это или плохо.

Девочка осторожно встала и подошла к окну. Ставни заперли, а скрип засова точно перебудил бы весь дом. Поэтому сирота прильнула лицом к крохотной щелке меж створок и уставилась на залитый лунным светом двор.

Репей дремал у ворот, положив косматую морду на лапы, из сарая доносилось тяжелое дыхание коров. Шаги стихли, и Вера ничего необычного не заметила. Быть может, почудилось?

Она собралась вернуться в постель, как вдруг прямо перед окном пронеслось что-то большое и черное. Девочка отпрянула, чуть не закричав, но вовремя захлопнула рот ладошкой. Однако Эрик все же проснулся и, ругаясь под нос, заковылял к выходу.

Вера не то что бы испытывала симпатию к странно говорящему слуге или переживала за его жизнь, но если он выйдет на улицу, то не только сам погибнет, но и откроет дверь черному нечто. А оно ведет себя отнюдь не как добрый гость, и явно пришло с Той Стороны, как и упырь Лука со своей рыжей сестрицей-ведьмой.

Девочка, стараясь шуметь как можно меньше, бросилась наперерез бородачу и загородила путь.

– Э, тэ чэгэ? – сонно пробормотал крестьянин и попытался обойти сироту, но та, как ранее Репей, постоянно становилась перед ним, не позволяя продолжить путь во Тьму.

– Дэ шэ тэкэ?! – буркнул Эрик, теряя терпение. – А ну кыш отсэдэ!

– На твоём месте я бы остался дома, – тихо проговорил аскет, не двигаясь и не размыкая век.

– Почэмэ? Мнэ дэ вэтрэ нэ! Шэ, дэ утрэ тэртэ или прэмэ тут дэлэ дэлэт?

Андрей приложил палец к губам и вежливо попросил:

– Прислушайся.

Эрик замолчал, и миг спустя его глаза вытаращились, а челюсть отпала. Однако он растолковал услышанное по-своему и пуще прежнего рванул к двери.

– Вор! – крикнул слуга. – Панэ, к нам вор залэз!

– Что за дурак?! Стой, кому говорю! Кречет, проснись!

Но хозяин спал как убитый и даже не пошевелился, лишь богатырски всхрапнул и перевернулся на другой бок. К счастью, Вера проявила недюжинную смелость, иначе как минимум для одной души ночь стала бы последней в мире смертных.

Девочка белкой прыгнула в угол, где висели вещи странника, выхватила клинок и направила прямо в лицо разбушевавшемуся крестьянину. Сталь сверкнула в пламени свечи и тут же погасла. Эрик наконец-то утихомирился и остановился.

– Э, тэ чэгэ? – испуганно пробормотал он.

– Замолчи и лезь под одеяло, – словно непослушному ребенку сказал Андрей. – До расвета из дому ни ногой.

– А шэ, мнэ пэд сэбэ ходэ?

– Потерпишь, недолго осталось. Все, не отвлекайте меня больше.

Странник продолжил бормотать молитвы, слуга развалился на матрасе, но долго не мог уснуть. Больше часа Вера караулила дверь – жуткая тварь лишила ее сна и покоя, а с оружием в руках она чувствовала себя уверенней. Но потом усталость разбила изнеможенное тело, девочка вернула клинок в ножны и легла спать. Правда, с тем же мечом в обнимку, но аскет ничуть не возражал.

А утром произошли два весьма знаменательных события. Соня наконец-то встала с постели, и хоть выглядела заспанной и очень уставшей, с аппетитом налегла на свежий хлеб с парным молоком. Румянец еще не вернулся на впалые щеки, но и от мертвецкой бледности не осталось и следа.

Однако хорошее самочувствие дочери несколько не обрадовало Кречета, наоборот, хозяин выглядел угрюмым и суетливым. Он спешно и неровно резал мясо и сыр, чуть не пора-

нился, постоянно хмурился и недовольно шевелил усами. Хотя любой другой отец уже бы прыгал до потолка от счастья или ползал на коленях, славя всемогущий Свет.

– Все в порядке? – учтиво спросил Андрей, баюкая на мозолистых ладонях хлебную корочку.

– Да, – мужчина мотнул головой. – Спал плохо, кошмары снились. Большое вам спасибо за бдение, но лекарь прибудет с часу на час. Уверен, у вас полным полно неотложных дел, нечисть там истреблять, духов изгонять, а мы дальше справимся сами.

– Вы правы. Нечисть истреблять надо, – охотно согласился аскет, и Кречет как-то странно повел плечами. – Что же, не смеем больше докучать. Мир вам и вашему дому. Провожать не надо.

Странник опоясался мечом, накинул алый плащ, поклонился и вышел во двор. Вера мышью прошмыгнула следом, кивнув напоследок девочке. Они миновали поляну, углубились в лес, и тут Андрей остановился. Присел на пенек, потер колени и поднял взгляд к небесам.

– Придется ждать ночи, – вздохнул он. – Ты садись, отдыхай. Времени у нас полно. Кстати, понравился меч?

Сирота опустила голову.

– Да брось, ты все сделала правильно. Я не мог отвлечься, иначе бедняжке настал бы конец. Раз уж тебе пришелся по вкусу меч, вот небольшой подарок.

Мужчина достал из сумки кинжал с коротким и толстым клинком, срезал ветвь ивы примерно в руку длиной и очистил от коры. Пока белая палка подсыхала, аскет вынул моток веревки и обвязал конец с таким расчетом, чтобы ее можно было носить на талии.

– Держи. По весу как меч, даже чуточку тяжелее. Привыкай к нему и однажды станешь достаточно сильной для настоящего оружия. А палкой, коль возникнет нужда, можно отогнать собак.

Вера покрутила подарок перед собой, сделала взмах и едва не ударила себя по лбу. Андрей засмеялся:

– Ну, полно тебе, еще голову расшибешь. Хочешь научиться драться как я?

Девочка уверенно кивнула.

– Вон березку тонкую ветром повалило – походи по ней взад-вперед. Сразу и забава и упражнение будут. В обращении с мечом равновесие и ловкость важнее всего, ведь мы не носим ни щитов, ни доспехов. И размахивать мечом как пьяный дровосек топором – глупо и опасно.

Вере понравилось бродить по тонкому бревнышку, она часто развлекалась подобным в лесу рядом с деревней. Несмотря на какой-никакой опыт, сирота несколько раз чуть не сорвалась, но продолжала вышагивать по валежнику с грацией канатоходца, расставив руки в стороны и покачивая телом из стороны в сторону.

– Вот, молодец. А подтянуться сможешь?

Девочка порой видела, как мальчишки соревнуются на перекладине, поэтому разъяснений не понадобилось. Она нашла подходящую ветку, подпрыгнула, уцепилась, но не смогла даже согнуть локти, как ни старалась. Вертелась ужом, скрипела зубами, но все тщетно.

– Ладно, брось. Это потому, что ешь мало. Но ничего, в крепость придем – там тебя откормят. В общем, я посплю немножко, а ты сторожи. Чуть что – сразу буди.

Андрей улегся на траву, укутался в плащ и мгновенно заснул. А Вера до самого заката бродила по стволу и ни разу не соскользнула.

– Что-то лекаря долго нет, – сказал за ужином Кречет. – Эрик, запрягай телегу и дуй в Ладин, авось перехватишь по дороге.

– Уже идэ, – бородач запихнул в рот ломоть говядины, вытер руки о жупан и потопал к дверям.

– Я помогу. А ты, доченька, сиди дома и никуда не уходи.

Мужчины отперли ворота и вошли в сарай. Когда слуга наклонился проверить оглоблю, Кречет схватил с полки киянку и огрел его по затылку. Крестьянин без чувств распластался на усеянном соломой полу. Хозяин прикрыл створку, чтобы Соня ненароком не увидела из окна, привалился спиной к стене и стал ждать.

Как только солнце село, ветер стих и заметно похолодало, а в северной части поляны показалась облаченная в черный саван фигура. Она вышла из лесу и стояла как раз на поросшем травой пятаке, выжидая чего-то. А затем направилась прямо к сараю. Волкодав с рыком бросился навстречу, но остановился как вкопанный и завилял хвостом. Фигура склонилась над псом и потрепала по косматой башке, тот вывалил язык и зажмурился от удовольствия.

Кречет устал торчать в сарае и бегом бросился к существу. Обнял и нежно поцеловал в черные потрескавшиеся губы.

– Милочка моя, солнышко, – шептал он, глядя поблекшие светлые волосы. – Вот мы снова вместе. Хотя бы на одну ночь.

– Я хочу есть, – прошептала девушка. – Ты приготовил мне покушать?

– Да, разумеется! Идем в сарай.

– А где старик и девчонка?

– Они ушли. Я спровадил их подальше, больше нам никто не помешает!

– Хорошо. Прошлой ночью они не дали мне покушать. Я голодна, любимый, страсть как голодна.

– Вот, погляди, – Кречет указал на слугу. – Жирный, сочный кабанчик! Насыщайся, любовь моя.

– Дурак! – воскликнула Мила и оттолкнула мужа. – Он же мне не родня! Как я буду его есть? Мне нужна дочка... или ты, выбирай.

– Разве нельзя обойтись другой жизнью?

– Нельзя! – рявкнула девушка, брызнув черной зловонной слюной. – Было б можно, я б уже давно съела этого инрокского дубину! Пошли в дом.

– Но... Как же Соня? Она не переживет...

– А ты думал будет легко? Не отдашь ребенка – пострадаешь сам!

– Отойди от него! – раздался гневный голос неподалеку.

Мила обернулась и зашипела как раненая кошка. Нежные черты лица исказились, губы ссохлись, обнажив черные десны, впалые глаза полыхнули, словно кто подул на свежие уголья. Перед ней стоял Андрей, держа руку на мече, вернувшийся ветерок развеивал полы алого плаща. Вера держалась поодаль, но сжатая в ладонях палка как бы намекала, что она тут не просто для красоты.

– Предатель! – выкрикнула тварь и ударила Кречета по щеке, оставив глубокие царапины как от рысых когтей. – Убью!

Но аскет уже выхватил клинок и тот пылал как сотня факелов, озаряя всю поляну. Нечисть зажмурилась, завывала выпью и бросилась в лес, как раз в направлении древней шахты. Фермер сполз по стеночке и уставился перед собой мокрыми глазами, не обращая никакого внимания на кровоточащие раны.

Андрей подбежал к нему, тряхнул за плечо и крикнул прямо в ухо:

– Что ты нашел под землей?! Отвечай!

– Комнату, – всхлипнул мужчина. – Со стенами из черепов и костей... человеческих и... неведомых мне. Там алтарь – большой черный камень, похожий на гроб. Он звал меня... говорил со мной...

– Ты отнес туда жену?

Кречет кивнул.

– Веди. Веди в ту комнату. Я должен уничтожить капище.

– Но тогда..., – мужчина поднял слезящиеся глаза, – Милочка умрет.

– Милочка умерла от бешенства! А то – тварь с Той Стороны, вселившаяся в ее тело. Показывай дорогу, пока не поздно.

– Но... нам так хорошо вместе! Она все помнит и ведет себя точь-в-точь как Милочка... Господин аскет, пощадите...

– Дурак, совсем ослеп от горя! Ты же слышал, ей нужно питаться. Самая сильная связь у нежити – с родными детьми. Она выпьет жизнь Сони до капли, а потом прикончит и тебя.

– И пусть! – взревел Кречет, вскочив на ноги и нависнув над странником. – Мне никто кроме нее не нужен!

– Безумец! Дай жене покой!

– Да будь ты проклят!

Хозяин замахнулся кулаком, но аскет оказался проворнее: поднырнул под выпад и треснул противника в висок наверху эфеса. Оставив потерявшего сознание фермера в сарае, Андрей устремился вслед за нежитью. У границы леса он обернулся и крикнул спутнице:

– Иди в дом, запри дверь и приглядывай за малышкой. Если к утру не вернусь – дожись лекаря и попроси отвезти в Ладин. Там найди храм Света, он в самом центре города, и сообщи настоятелю, что я велел доставить тебя в крепость. Он все поймет.

Девочка широко распахнула глаза и шагнула к страннику.

– Нет! – крикнул он. – Хочешь помочь – исполняй приказ. А коль найдется свободная минутка – помолись за меня.

Вера кивнула и бросилась в избу. Андрей же, выставив меч перед собой, пошел напрямик в логово Тьмы – древней и очень могущественной. Ведь не рудокопы забытых эпох построили жуткое капище, оно было там так давно, что представить трудно. Бедняги лишь нашли его, замурованное, заросшее гранитом и углем, и их черепа дополнили кровавые украшения стен.

Аскету пришлось идти по наитию, старательно запоминая путь. Сперва он брал строго влево, но все коридоры заканчивались тупиками. Вернувшись, он взял вправо и лишь тогда ему улыбнулась удача. Развилочка становилось все меньше, а вскоре остался только один ход – самый широкий и крутой, резко уходящий в толщу земли.

Он-то и привел Андрея к капищу – возможно, одному из первых алтарей поклонников Тьмы. За черным камнем пряталась потусторонняя тварь, вселившаяся в мертвое тело. Она долго не высасывала жизнь, оттого следы разложения стали хорошо заметны, а трупная вонь заполнила все вокруг.

– Здесь ты родилось – здесь и умрешь, – молвил аскет.

И нежить тут же набросилась на него с диким воплем, метя скрюченными когтями в шею. Странник одним взмахом отсек обе руки, и те немедля рассыпались прахом. Завизжав пуще прежнего, тварь попыталась схорониться в камне, но пылающий клинок пронзил гнилое сердце, и на алтаре осталась куча черной пыли. Но самое сложное оставалось впереди. Аскет закрыл глаза, прошептал молитву и с размаху обрушил клинок на камень. Огненное лезвие раскроило его надвое как кусок масла, но и страннику неслабо досталось.

Он потерял столько сил, что полз из проклятой пещеры на четвереньках, но больше поганое капище никого не совратит и не похитит ничью жизнь. Ради этого стоит и потерпеть.

Кое-как добравшись до избы, Андрей поманил Веру и неспешно побрел в сторону тракта.

– Не бойся, – шепнул он, заметив, что девочка то и дело оглядывается. – Теперь все у них будет хорошо. Тьма покинула эти места. Но пан Кречет простит меня еще очень и очень нескоро, поэтому задерживаться тут смысла нет. А тебе стоит сразу усвоить: Свет порой жесток, но Тьма всяко хуже. Она давит на слабости, и единственный способ бороться с ней – отринуть все насущное. Из-за этого нас и прозвали аскетами. Когда-нибудь ты все поймешь, если захочешь.

Вера внимательно слушала, а когда Андрей замолчал, взяла его за руку. Мужчина улыбнулся – он словно постарел лет на двадцать и выглядел совсем дряхлым стариком, да и шел нетвердо, пошатываясь. Но с такой опорой ему будет легче.

Гораздо легче.

Кто дал нам право судить?

Глава 3. Душитель из Четырех Трактиров

Поздним вечером трактир «Гордость моря» трещал и скрипел от наплыва посетителей. Рабочий люд спешил пропустить пару кружек свежего пива перед сном, заняв все до единой лавки. Конюхи, плотники, мелкие торговцы и даже лекари расселись как воробьи на плетне и столь же шумно гомонили. Не смолкало журчание хмельного напитка, то и дело раздавались веселые крики и смешки.

Но тут скрипнула дверь, и в заведение вошел стражник с косматой русой бородой. Такой высокий, что едва не царапал плоским шлемом потолок, и широкий как бочка. Суший бык со здоровенными руками, пудовыми кулаками и злобными налитыми кровью глазами. Он носил толстую кольчугу до колен и палаш, который иной воин смог бы удержать лишь двумя руками, да и то недолго.

Звали его Тарас, но среди народа он заслужил кличку Жаба, и скоро вы поймете, почему. Засунув большие пальцы за широченный кожаный ремень, великан вальяжно потопал к стойке трактирщика. Разговоры вмиг смолкли, даже звон посуды стих, какое там веселье.

Тарас смерил лысого старичка в фартуке презрительным взглядом и гаркнул:

– Пива!

Хозяин дрожащими руками налил самую большую кружку своего лучшего напитка. Но верзила лишь усмехнулся и легким щелчком отправил посуду на пол. В воцарившейся тишине грохот черепков показался раскатом грома.

– Я что, похож на ребенка? – недовольно пробасил Жаба. – Еще бы в наперстке подал!

– Простите, господин.

Старик до краев наполнил пузатую крынку, какой хватило бы на троих, и стражник выдул ее до дна в один присест. Крякнул, смахнул мутные капли с сальной бороды и щербато улыбнулся.

– Вот, другое дело. Давай-ка вторую.

Второй дело не ограничилось, третьей и четвертой тоже. Брюхо Тараса раздулось так, что кольчуга натянулась до середины бедра, а он и не думал заканчивать и в одно рыло приговорил целый бочонок. Смачно рыгнув, стражник ослабил пояс и, пошатываясь, поковылял к выходу. Платить, разумеется, не собирался. Но ни старик, ни кто-либо из посетителей и думать не смели напомнить о деньгах.

Тарас не только дух вышибает одним плевком, но и служит десятником в остроге, а с этими ребятами лучше вообще не связываться – дороже выйдет. Только голову поднимешь, и у тебя тут же найдут недоплату налогов, контрабанду, связь с черными колдунами или что похуже. И пойдешь докажи потом... Тебя в яму, имущество поделят и поминай как звали.

Поэтому от бывшего веселья не осталось и следа, даже когда мздоимец убрался прочь. Люд тихо переговаривался, бросая сочувствующие взгляды на трактирщика, а тот лишь хмурился и покачивал головой. Не первый раз – и точно не последний.

А Жаба тем временем брел по опустевшей полночной улочке, озаряемой светом молодой луны. Пока добирался до дома – пометил все окрестные заборы и плетни, наорал на захлебывающихся лаем дворовых псов и перебудил уйму народа, оставив за собой длинный след из плачущих детей и сквозь зубы ругающихся взрослых.

Кое-как доковыляв до своей избы у западных ворот, Тарас нос к носу столкнулся с подозрительной фигурой, появившейся словно из ниоткуда. Она была высокая, очень тощая и облаченная в кожаный плащ турецкого фасона – короткополый и с рукавами. Тело и лицо полностью закрывали широкие полосы черной ткани, отчего разглядеть незнакомца не представлялось возможным.

– Ты еще кто? – заплетающимся языком пробормотал стражник.

Вместо ответа фигура разжала костлявые пальцы, и из рукава словно змея выскользнула тонкая ржавая цепь.

– Ах ты!

Тарас выхватил палаш и кинулся на странное существо, но оно с легкостью ушло из-под атаки. Жабе показалось, будто тощая фигура на миг исчезла, а после появилась в двух шагах левее, но хмель и страх напрочь отбили у и без того не очень умного верзилы способность ясно мыслить.

Он взревел медведем и занес меч над головой, но существо метнуло в него цепь, ее конец обмотался вокруг могучего запястья и сдавил как тиски. Великан заткнулся, с ужасом смотря на неестественно изогнутую руку. Клинок выпал из ослабших пальцев, и в следующую секунду фигура рванула цепь на себя. Несмотря на внешнюю тщедушность, она без малейших усилий повалила гору мышц и жира на землю. И пока Тарас кашлял и мел пыль бородой, нечто в плаще запрыгнуло ему на спину и стянуло ржавые звенья на бычьей шее. Жаба захрипел, засучил ногами, но сверху словно уселся слон, не давая никакой возможности высвободиться. Вскоре все было кончено. Фигура растворилась в ночи, а поутру стражника нашли посреди дороги с вытаращенными глазами и вывалившимся языком.

– В Ладине есть два тракта – и оба главные, – сказал Андрей, неспешно бредя по пыльной дороге. – Они пересекают княжество крест-накрест. Первый ведет от восточного побережья, где и стоит стольный град, на запад, до Инрока. Второй, вот этот самый, по которому мы идем, протянулся с севера на юг, от суровых скал Ярланда до жаркой степи Тура. А встречаются тракты в самом сердце нашей земли, в славном местечке под названием Четыре Трактира. Слышала когда-нибудь о нем?

Вера взглянула на спутника и качнула головой. Мужчина продолжил:

– Торговые караваны издревле ходили по Ладину во всех направлениях. Так уж получилось, что княжество находится почти в самом центре острова, и хочешь не хочешь – всяк путь ведет через него. И очень часто караваны встречались на перекрестке двух трактов, где останавливались на отдых. Места тогда были дикие, опасные, а вместе поспокойнее, да и от зверья и разбойников обороняться сподручнее. Сперва купцы просто разбивали палатки, потом подсутились и построили те самые четыре трактира – каждый на своей стороне. Ладинцы срубили огромную двухэтажную избу, ярландцы возвели могучий каменный дом – настоящую крепость. Жители Инрока сложили добротную мазанку из глиняного кирпича, а туры – просторный шатер из верблюжьих шкур. И каждый странник мог даже на чужбине ощутить частичку родной земли, а спать на ней в сто раз лучше, чем на княжеской перине. С тех пор небольшая стоянка разрослась до города с частоколом, острогом, храмом, школой и лекарней. Ну а называют его как и прежде – Четыре Трактира. Такая вот история. Поверь, тебе там понравится. Хорошее место, красивое. Погоди-ка, а это еще что такое.

Аскет отпустил руку девочки и подошел к придорожному столбу с развевающимся листком пергамента с красной печатью. Надпись гласила: «Городской голова Четырех Трактиров уведомляет всех умелых и опытных о награде в тысячу золотых за поганого Душителя, живого или мертвого, на счету коего пять невинно убиенных, местных и проезжих. Всем остальным велю проявлять особую бдительность и сообщать в острог о подозрительных лицах. Помните, Душитель вооружен и крайне опасен, не выходите без надобности из домов по ночам.

Пользуясь случаем, достопочтимый Алу, хозяин Южного трактира, просит сообщить о скидке в пять процентов на все сорта пива».

Андрей хмурился, раз за разом перечитывая послание.

– Странно, – наконец сказал он. – Город на перекрестке всегда отличался порядком, несмотря на четыре трактира из четырех разных княжеств, частенько воюющих меж собой. Там пьяная драка – событие, которое потом неделю обсуждают. Надо разобраться.

Версту спустя спутники вышли на просторный луг, окруженный со всех сторон густой дубравой. Тракты делили его на равные части, а вокруг перекрестка лежал обнесенный частоколом город. С пригорка отлично виднелось многообразие домов с соломенными, черепичными, дощатыми и покрытыми шкурами крышами. Каждый вид построек теснился у своего трактира, а выглядели заведения действительно впечатляюще. Никогда прежде Вера не видела столь огромных зданий, вокруг которых бродили толпы необычно разодетого и странно говорящего народа, а у коновязей паслись диковинные животные.

Сам перекресток давно превратился в истоптанный пятак земли, где разместился огромный рынок. Чтобы не тащиться многие версты до княжеств, купцы торговались прямо тут: продавали свой товар, закупали чужой и возвращались на родину. И чего только не было в крытых телегах и возах: вяленая рыба, ткани, зерно, вино, золотая руда и драгоценные камни, клинки умелых северных кузнецов, порошки и мази загадочных южных алхимиков, мед и сладости западных пасечников, древесина и резная мебель восточных плотников... Да все, чего душа пожелает можно сыскать на рынке Четырех Трактиров!

– Держись поближе и не зевай, – напутствовал Андрей на подходе к воротам. – Потеряться тут проще простого.

– Господин аскет! – рявкнули стражники, стукнули древками копий по земле и опустили головы.

– Храни вас Свет, – мужчина приветствовал воинов раскрытой пятерней.

Частокол будто сдерживал все звуки, но стоило миновать его, как по ушам ударил гул, словно рядом потревожили улей пчел размером с корову. Ревели неведомые звери, разноголосно кричали купцы, сбивая цены или зазывая покупателей, в храме пел хор, по улицам бродили глашатаи и выкрикивали во все глотки приказ головы.

Глаза заслезилась от мельтешения пестрых одежд, стало трудно дышать от душного вихря незнакомых запахов. Вера опрометчиво зажмурилась и тут же налетела на что-то теплое, мохнатое и скверно пахнущее. Страшное рогатое чудище, сплошь покрытое черным мехом, обнюхало девочку и облизнуло лицо.

Сирота с трудом удержалась от крика и прижалась к Андрею. Тот усмехнулся и погладил ее по голове.

– Это як. Не бойся, он смирный. На нем ездят ярландцы, ведь он очень смелый, сильный и не боится мороза. А вон тот горбатый красавец с изогнутой шеей – турецкий верблюд. Его лучше не злить, а то плюнет. Как думаешь, где бы нам остановиться?

Вера, недолго думая, указала пальцем на каменный трактир. Согласно кованой вывеске, он назывался «Гордость моря», но все величали его не иначе как Северный. Ибо стоял северней других и принадлежал северянам.

– Согласен, – аскет кивнул. – Тут мы будем как в крепости. А коль в городе бушует душегуб, надежные стены не помешают.

Андрей толкнул дверь из толстых дубовых брусьев и вошел в длинную мрачную залу, озаряемую лишь тусклым светом из узких окон, больше похожих на бойницы. Посреди помещения чернела глубокая канава, доверху заваленная золой – такие ямы использовали жители Ярланда вместо печей. Над ней висели пустые котлы и вертела, рядом стояли длиннющие столы и лавки.

Трактир пустовал, за исключением трех стражников и хозяина за стойкой. Двое рослых верзил в кольчугах стояли молча, а третий – низкорослый крепыш с черной бородой до пояса, мясистым носом и густыми бровями, допрашивал старика. При появлении странника он обернулся и гневно сверкнул ярко-голубыми глазами, но тут же расплылся в довольной улыбке.

– Господин аскет! – воскликнул детина, сняв кожаную перчатку и протянув круглую ладонь с короткими, но сильными пальцами. – Мои мольбы наконец-то услышаны! Вас нам сам Свет послал!

– Ну..., – мужчина скупой улыбнулся в ответ. – Скорее объявление на столбе.

Стражник хохотнул и похлопал себя по животу.

– Вот за что вас люблю – никогда не унываете! Я – Бондарь, тутошний сотник. Острогом, значит, руковожу, за порядком слежу.

– Андрей, – представился аскет.

– Тварь у нас завелась какая-то, господин Андрей! Вчера Тараса нашего задушила, а до него еще четверых. Вот свидетеля опрашиваю, так сказать. Хотите – присоединяйтесь.

– Нам бы комнаты снять. Трактир-то работает?

– Работает, работает! – махнул рукой крепыш. – Для вас что угодно, правда?

Старик, выглядящий так, будто не спал неделю, затравленно кивнул.

– А это ваша дочурка? – невзначай спросил сотник. – Ути красавица какая, повезло вам с женкой-то!

– Не дочурка, – устало ответил Андрей.

– О-о-о! – загадочно протянул стражник и закивал. – Ученицу взяли?

– Вроде того. Сколько за две комнаты?

Трактирщик замотал головой:

– Нисколько.

– Вы меня обижаете, – добродушно произнес мужчина. – Я всегда плачу по счетам, а дармоедство – грех. Так что не скромничайте.

– Серебро в сутки, – сдался хозяин.

Аскет положил на стойку две монеты и забрал тяжелые бронзовые ключи.

– Пока до утра, а там видно будет. И покушать девочке соберите: мяса, похлебки, пирожок какой. Посытнее, в общем.

– Сию минуту.

– И заодно расскажите, что вчера стряслось.

Старик достал из шкафа два толстых куса жареной говядины и положил на деревянную тарелку. Было видно, ему страсть как не хочется отвечать на этот вопрос. То ли Бондарь его уже замучил совсем, то ли по какой-то иной причине.

– Тарас явился где-то за час до полуночи, – тихо произнес трактирщик. – Попросил пива. Выпил много, целый бочонок, и ушел. Вот и все.

– Это я уже слышал! – раздраженно бросил сотник.

И тут аскет кое о чем догадался. Судя по спрятанному взгляду, дрожащим рукам и неровному голосу, старик явно не договаривал всей правды, ибо боялся быть заподозренным. Но что могло бросить на него тень?

– Погибший ругался с кем-нибудь?

– Нет, что вы, – торопливо бросил хозяин, и в этих словах не было ни капли лжи.

– А он заплатил?

Трактирщик тяжело вздохнул и в бессилье опустился на табурет.

– Послушай, как тебя зовут? – спокойно и учтиво спросил Андрей.

– Семен.

– Семен, тебе нечего бояться. Просто скажи, как все было. Без утаек и недомолвок.

– Не заплатил он. Тарас никогда не платил ни гроша, а пил и ел в три горла.

– Это на что ты намекаешь? – с вызовом бросил Бондарь.

– Говорю как есть. Простите.

– Так может это ты его завалил?! – разошелся пуще прежнего стражник. – Или нанял кого?! Сейчас мы тебя в яму-то кинем, там быстро сознаешься!

– Хватит! – повысил голос аскет. – Вам лишь бы в яму кидать всех подряд. Тело где?

– Чье?

– Погибшего.

– А..., – сотник утихомирился и почесал затылок. – Ну, с утра было в аптеке. Господин Илья всегда трупы осматривает перед погребением. А сейчас, наверное, уже на кладбище.

– Ведите.

– Куда?

Андрей глубоко вздохнул и улыбнулся:

– Сначала в аптеку. Потом на кладбище. А ты сиди тут и никуда не уходи, поняла?

Вера кивнула.

Городская больница располагалась неподалеку от рынка, и представляла собой приземистое одноэтажное здание с ровными белыми стенами и широкими сквозными окнами. Храм, похожий формой на огонек свечи, возвели совсем рядом из тех же камней и, видимо, в то же время – священники почти всегда работали вместе с целителями: укрепляли дух больных молитвами и бдениями, отгоняли порождений тьмы и отпевали усопших.

Хоронили их, правда, за частоколом, и чем дальше, тем лучше. Поэтому Андрей надеялся найти мертвого стражника в аптеке, а не шастать по окрестному лесу в поисках кладбища.

Внутри больница не делилась на комнаты, лавки страдальцев стояли очень тесно, однако большая часть пустовала. Здесь остро пахло травами и свечным воском. Аскет заметил двух стариков, готовых в любой момент отдать Свету души, и бледного непрерывно кашляющего парнишку лет пятнадцати. Судя по тому, что в изголовье его кровати сидел не целитель, а священник, бедняге тоже осталось недолго.

– Илья тут нет, – негромко произнес Бондарь. – Наверное, в подвале.

В противоположном конце залы виднелся двустворчатый люк в полу. Сотник рывком открыл его и шепнул в темноту:

– Ау, есть тут кто? Господин Илья, к вам пришли.

– Входите, – раздался мягкий спокойный голос.

– Идите сами, – крепыш указал на дощатую лестницу. – Мне там делать нечего.

Странник кивнул и спустился в подвал. Запах под землей стоял совершенно иной – сырой, тяжелый, с легкой примесью разложения. Несмотря на июньскую жару, тут царил ощутимый холод, но склонившийся над телом человек, казалось, не обращал на него никакого внимания. Дело привычки, что тут скажешь.

Заведующий аптекой, несмотря на столь важную и ответственную должность, вряд ли успел разменять третий десяток. Он выглядел более чем молодо: по-мальчишески узкое лицо, высокие скулы, покатый лоб, острая челюсть и короткие рыжеватые волосы. Невысокое, но сильное тело тесно облегал белая мантия с вышитыми листьями подорожника на спине и рукавах – знаком всех добрых знахарей, травников и врачей.

Наверное, мужчина обладал великим даром, раз отвечал за здоровье далеко не самого маленького города.

– Господин аскет, – он обернулся и низко поклонился, сложив руки по швам. – Меня зовут Илья.

– Андрей, приятно познакомиться. Это тот самый стражник?

– Да. Взгляните.

Странник подошел поближе и осмотрел до пояса накрытый саваном труп. Хотя, ему больше подошло бы слово «туша». Никогда прежде аскет не встречал таких здоровяков – сущий великан из сказок. Но, судя по глубокой багровой борозде, его задушили, и тот, кто это сделал, обладает еще большей силой. Так сжать бычью шею – это надо постараться.

– Иные травмы есть?

– Перелом правого запястья. Кости буквально раздроблены в труху.

– Да уж, – аскет взглянул на изуродованную руку и повел плечами. – Кто бы на него не напал, это точно не человек.

– Уверены? Он хорошенько выпил и мог свалиться под крыльцо. А убийца, или убийцы легко его задушили.

– А руку зачем ломать? Судя по ржавчине в ранах и отпечаткам, это сделали одной и той же цепью. Невооруженным глазом же видно. Думаю, он попытался отбиться и был искалечен. Посмотрите на мозоли – покойный точно держал меч правой рукой.

– И все же, я не полностью с вами согласен. Причин убить его именно так множество.

Аскет пожал плечами:

– Тогда пусть стражники ищут преступника во плоти, а я займусь отработкой твари с Той Стороны. Тем и закончим.

Он направился к лестнице, Илья сунулся было следом, но остановился, услышав шепот из полумрака:

– Провожать не надо.

После плотного обеда Вера поднялась в комнату, намереваясь немного вздремнуть – долгие пешие переходы сильно утомляли ее. Но страшно непривычный шум со всех сторон не позволял даже спокойно полежать в постели, какой там сон. Девочке казалось, будто за окном лютует буря – так сильно шумел большой город, в котором сироте еще ни разу не доводилось бывать.

Она привыкла к дневному спокойствию крохотной деревушки и полной тишине после захода солнца. Здесь же было просто невыносимо, а вскоре вопли стали еще громче. Народ словно сбесился и принялся хором орать чье-то странное имя.

– Виктор Виверна! – ревела толпа. – Виктор Виверна!

Кто же он такой? Почему его столь яро приветствуют? Может, князь или могучий волхв? Девочка никогда не видела ни первых, ни вторых, но среди селян ходили слухи, что князья – самые красивые и сильные на свете, а волхвы видят будущее и обращают людей в пепел одним взглядом. Деревенские девки от мала до велика мечтали встретиться с кем-нибудь из них, желательно с князем, потому что все волхвы старые и бородатые. Тогда между ними вспыхнет любовь – обязательно с первого взгляда, они поженятся, уедут в далекий терем и будут жить долго, богато и счастливо, а умрут в один день.

Веру никогда подобные байки не волновали: она прекрасно понимала, благородный владыка точно не полюбит простую крестьянку, да еще и сироту. Некоторых девок с огромным трудом за таких же крестьян выдавали, годами горбятась ради приданного, какие там князья. Но поглядеть хоть одним глазком не отказалась бы, потому подбежала к окну, но увидела лишь пестрый поток, спешно утекающий в сторону рынка. А его, как назло, из комнаты не видеть.

Людской поток орал все громче, любопытство распалялось с каждым выкриком. Решив, что ничего страшного за пару минут не случится, девочка стрелой вылетела из трактира и растворилась в толпе. Старик не успел и рта открыть, а когда доковылял до крыльца, шустрой беглянки и след простыл.

Разноцветная гомонящая волна вынесла сироту на самый перекресток. Будучи худощавой и юркой, она легко протискивалась меж людей, а поскольку никому не заслоняла обзор, то никто и не гнал ее прочь. Наконец Вера оказалась в первом ряду, где собрались местные дети, в основном мальчишки.

Прямо перед ними на черном как ночь скакуне восседал могучий воин, упираясь волосатым кулаком в бок и белозубо скалясь. Пришелец сразу же не понравился девочке, кем бы он ни был по роду и положению. Лысый, скуластый, немного раскосый и загорелый, с короткой бородкой вокруг рта, он вызывал скорее страх, чем симпатию.

Облачение выдавало в нем воина: кольчуга без рукавов, толстый кожаный панцирь, блестящие наплечники и наручи. Но воина не простого, ведь обычные стражники носили только доспехи и мечи, у дружинников имелись еще копыя и щиты, а этот таскал на себе целую ору-

жейную палату. Два кривых кинжала на бедрах, изогнутый узкий меч на широком ремне, еще один – подлиннее, выглядывал из-за спины. Там же болтался полный колчан и короткий лук, каким обычно пользовались всадники.

Неизвестно, зачем ему столько острой стали, но выглядело... устрашающе.

– Виктор Виверна! – не утихал люд. – Виктор Виверна!

Вдоволь наслушавшись собственного имени, воин поднял ладонь, и толпа разом замолчала.

– Да, это я! – зычно крикнул он. – Великий наемник Ярланда, убийца Мясника из Вальста, победитель Гнилого Гладиятора, истребитель степных ведьм! Готовьте денежки, ибо очень скоро в моем мешке окажется голова Душителя из Четырех Трактиров!

Вера оглохла от радостных криков и отчаянных хлопков. Народ рукоплескал так рьяно, будто хотел разбить ладони в кровь.

– Возвращайтесь к делам и ничего не бойтесь, – Виктор опустил руку. – Город может спать спокойно!

Толпа стала потихоньку расходиться, и только мальчишки с громким улюлюканьем неслись вслед за кумиром. Так уж вышло, что наемник решил остановиться в «Гордости моря», и Вере волей-неволей пришлось идти вместе с ребятней. Им это не очень понравилось, и вскоре все внимание переключилось на сироту.

– Ты кто такая? – спросил один, заступив ей дорогу.

– Я тебя тут раньше не видел, – подхватил дружок.

– А давайте побьем пришлю! – без лишних обиняков предложил самый маленький из ватаги, похожий на чумазого кудлатого чертенка.

Мысль пришла шпане по вкусу. На знатного воина насмотрелись, почему бы не поиздеваться над девчонкой? Тоже развлечение. Ее отгеснили в узкий заваленный мусором проулок и окружили со всех сторон.

– Язык проглотила? – продолжил допрос рослый паренек, у которого совсем недавно начал ломаться голос. – Отвечай, когда спрашивают!

Вера молчала, неотрывно глядя обидчику прямо в глаза.

– Чего уставилась, выдра? По морде захотела?

– Да бейте ее! – не унимался малец.

– Не пялься на меня! Кому сказал?!

Но сирота продолжала сверлить недруга холодным взглядом, вновь надев фарфоровую маску. Терпение у задиры быстро иссякло, он попытался толкнуть девочку, но так получил палкой по руке, что завыл и запрыгал на месте, прижимая ушибленную конечность к животу.

Вере понадобились считанные секунды, чтобы развязать узелок на поясе, схватить подаренную аскетом палку и выставить перед собой подобно мечу. Шпана явно не ожидала такого поворота и попятилась – правда, всего на пару шагов.

А потом началась драка – жестокая и беспощадная. Сирота отбивалась изо всех сил и раздала немало шишек и ссадин, но врагов было чересчур много. В честном бою она, быть может, продержалась бы подольше, но честь неведома уличным босякам. Быстро поняв, что к бешеной девке лучше не приближаться, негодяи принялись бросать в нее подобранный с земли мусор. Куски засохшей грязи больно били по тощему тельцу, но Вера не сходила с места и не сводила с главаря уничтожающего взгляда.

Горлопаны не услышали от нее ни стона, ни всхлипа даже когда хлам лупил по животу, груди, лицу. Сирота не произнесла ни звука и моргнула лишь раз из-за попавшей в глаз крови. Собственное бессилие и непоколебимость противницы взбесило шпану, и задор вмиг сменился яростью. Они-то считали себя непобедимой бандой, грозой подворотен, а на деле не могли справиться с тощей как скелет девчонкой. И неизвестно, кому досталась бы победа, если бы под

руку верзиле не попался обломок коромысла с ржавым железным крюком. Он весил слишком много, и одного меткого попадания в голову хватило, чтобы сбить Веру с ног.

Она раскинула руки и плашмя грохнулась в грязь. Падение выбило весь воздух из легких и едва не лишило сознания. Девочка пошевелилась, попыталась подняться, но тщетно, и тут-то ребяня решила отыгаться по полной. Скорее всего, путешествие сироты закончилось бы в вонючем проулке Четырех Трактиров, однако босяки по ведомой лишь им причине разлетелись кто куда, как стая воробьев при виде матерого кота. Нечто заставило бежать их без оглядки, сверкая грязными пятками, и теперь оно приближалось, тяжело шагая и чем-то звеня.

Нечто большое и темное склонилось над девочкой, звон и бряцанье усилились. Она приоткрыла запорошенные грязью глаза и увидела загорелое лицо Виктора Виверны.

– Какого дьявола, девка? – фыркнул он, нахмутив косматые брови. – Ты живая? Я думал, на тебя Душителю напал.

Вера вздрогнула, перепачканная кровью голова безвольно откинулась на бок.

– Ну как, господин аскет, учуяли нечисть? – спросил Бондарь на выходе из лекарни.

– Мы чуем ее не лучше вашего.

– Хм... А я думал, вы след брать умеете... ну, как охотничий пес.

– Благодарю за лестное сравнение, – Андрей улыбнулся, – но никаких особых чук на порождений Тьмы у нас нет. Лучше расскажите о предыдущих жертвах. Я должен понять, есть ли между ними связь.

– Так..., – сотник почесал сальный затылок. – В подробностях и не вспомню, надо в остроге бумаги глянуть.

– Идемте.

Острог Четырех Трактиров не был единым зданием вроде крепости, а представлял собой сложное построение из окружающего город частокола и четырех надвратных башен – широких срубов с бойницами, высотой в два этажа. В каждой башне стоял гарнизон и отвечал за свой район – южный за южный, восточный за восточный и так далее. В подвалах находились пресловутые ямы, куда сбрасывали тех лиходеев, кому из-за незначительности проступков удалось избежать плахи. Впрочем, уже очень скоро они горько жалели о том, что разминулись с топором палача, ибо годы в мрачной дыре, по щиколотку в зловонной жиже и питание объедками – то еще удовольствие.

Палата сотника находилась под крышей северной – самой большой башни. Спутники миновали первый этаж, где отдыхали и ели вернувшиеся с ночной смены стражники и оказались в просторной ярко освещенной комнате с каменной печкой в углу. У окна стояли дощатый стол и накрытое медвежьей шкурой кресло, на стене позади красовались скрещенные копыта и похожий на каплю щит.

Рядом высился двустворчатый шкаф – черный как уголь, явно турецкой работы. Стену напротив рабочего места полностью закрывал огромный ковер с вытканым рисунком битвы могучего воинства и крылатого дракона. Судя по узору и расцветке, его тоже создали на юге – степняки знатные умельцы ткать подобные ковры.

Остальные стены сплошь увешивало разномастное оружие – как ритуальное, выкованное из золота, серебра и усеянное драгоценными камнями, так и вполне себе боевое – например, палаши и секиры северных кузнецов. Вообще, в палате встречалось снаряжение со всех сторон света, из всех княжеств. Несложно догадаться, откуда у Бондаря столько клинков, луков, копий и шипастых булав. Раз уж все это добро висит на гвоздиках, а не продано в ближайшей лавке, значит, к дорогим подаркам прилагаются увесистые мешочки монет. Хорошо держать власть в торговом городе, правда? Стрижешь купцов как овец и в ус не дуешь. Неудивительно, что Андрей до сих пор даже краем глаза не видел здешнего голову. Четыре Трактира давно подмял под себя бородатый крепыш и ни с кем делиться не собирался.

Сотник достал из шкафа кипу листов и початую бутылку с темно-красной, похожей на кровь жидкостью. Вынул зубами пробку и, пока шел к столу, сделал большой глоток.

– Будете, господин аскет?

– Спасибо, не пью, – странник встал у окна и свел руки за спиной.

– И зря. В нашей работе без вина никуда. Свихнуться можно.

– Хм... Я вот, как видите, до сих пор в добром душеном здравии. Хотя охочусь на существ, пострашнее воров и пьяниц.

Бондарь замолчал и принялся громко шуршать пергаментом, то и дело прикладываясь к горлышку. Найдя нужные записи, он отложил ненужную кипу на край стола и начал читать:

– Так... Удушенных, значит, три мужа и одна женщина. Первый – Варфоломей, сорок два года, семьи нет. Промышлял охотой, убит в собственном доме. По словам соседей, отличался буйным нравом и пристрастием к выпивке, часто задирал всех по поводу и без. Второй – Николай, семнадцать лет. Старший сын конюха из восточного трактира. При жизни долгое время яхшался с шайкой босяков и, по слухам, незадолго до гибели успел стать главарем. Удушен в сарае при коновязи. Третья – Оксана, двадцать восемь лет. Днем торговала украшениями на рынке, а ночью – собой. Тело найдено в подворотне недалеко от южной башни. Четвертый – Ибрагим, пятьдесят пять лет. Нигде не работал, единственный сын три года назад погиб в море. После этого жил с малолетней внучкой, с которой, по слухам, имел поганую связь. Удушен в собственном туалете. Что думаете, господин аскет?

Андрей долго молчал, хмуро разглядывая забитую народом улицу. Потом сказал:

– Думаю, кто-то взял на себя ваши обязанности.

– Это как понимать? – всплеснул руками Бондарь.

– В городе завелся дух мщения. Какой именно – не знаю. Но он карает тех, кого считает преступниками, несправедливо избежавшими наказания. Не хочу сгущать краски, но будьте осторожнее после заката. – Аскет провел ладонью по тяжелому клинку из чистого золота. – Однажды он придет и за вами.

И прежде чем сотник смог произнести хоть слово, странник покинул палату.

Вернувшись в трактир, он увидел лысого наемника, жадно вгрызающегося в копченую свиную ногу и запивающего крепким пивом. При виде аскета, Виктор скривился так, будто мясо во рту оказалось протухшим, а в кружке плескалось совсем не пиво, а кое-что похуже.

– Явился! – рявкнул Виверна. – Светлячок ты наш. Ни шиша тут не получишь, понял? Деньги – мои!

– Стоило ли тащиться за тридевять земель ради жалкой тысячи? – хмыкнул Андрей, задержавшись на лестнице.

– Стоило. В этот раз я тебя обставлю, не сомневайся. И эта победа станет отличной прибавкой к награде.

– Да поможет тебе Свет, – с улыбкой ответил аскет и потопал на второй этаж.

– Козел! – рявкнул Виверна, с размаху обрушив кружку на стол.

Не прошло и минуты, как странник быстрым шагом спустился в залу.

– А где Вера? – спросил он.

Старик-трактирщик вздрогнул и чуть не уронил глиняную тарелку.

– Убежала, господин, – тихо произнес хозяин. – Я пытался ее остановить, да разве ж мне за ней угнаться?

– Когда она ушла?

– Да прямо по приезду господина Виктора. Наверное, на него хотела посмотреть.

– Виверна..., – сжав кулаки, процедил аскет.

– Что сразу Виверна? Понятия не имею, о ком ты говоришь.

– Девочка лет двенадцати, очень худая, в белом сарафане, длинные светлые волосы. Видел такую?

Охотник нахмурился, уголок рта едва заметно дрогнул.

– Глаза голубые?

Андрей медленно кивнул.

– Кто она тебе?

– А какая разница?

– Ну... Если никто – то расслабься. Если кто-то – лучше присядь.

Андрей одним взмахом руки опрокинул длинный стол, сколоченный из тяжелых дубовых досок. К счастью, на нем не оказалось посуды, и единственной разбитой тарелкой стала та, которая все же выпала из узловатых пальцев трактирщика. Старик охнул и плюхнулся на табурет, схватившись за грудь. Виктор тоже был на грани приступа, невзирая на напускное бесстрашие, ибо аскет горел как соломенное чучело на Празднике урожая. Меч, плащ, сутану, седые волосы – все объяло пламя, больше похожее на расплавленное золото, но ужаснее всего выглядели глаза – они словно обратились в крохотные солнца, и разили ослепительно яркими лучами.

Однако весь этот кошмар продолжался меньше мига и оставил после себя лишь разноцветные круги и затуманенный взор. Сперва Виверне пришла мысль, что все увиденное – морок, случайное головокружение, не более. Воспоминания об увиденном стали быстро растворяться, как ночной кошмар поутру. Но наемник как никто иной знал, на что способно объятное гневом Пламенное Сердце.

– Она в аптеке, – выпалил Виктор, дабы не испытать на себе все прелести общения с разъяренным странником. – Подралась со шпаной. Ей крепко досталось, но я...

Договорить он не успел. Андрей стрелой вылетел на улицу и бросился в сторону больницы. Проследить за ним было довольно легко – толпа спешно убиралась с дороги, шарахаясь во все стороны как от огня.

Девочка лежала почти у самого входа, подальше от единственного оставшегося в аптеке старика. Его сосед и кашляющий парнишка отсутствовали, и вряд ли они выздоровели и разошлись по домам.

Голову бедняге полностью забинтовали, лиловый синяк под левым глазом и многочисленные ссадины и царапины смазали целебной мазью. Илья сидел рядом с ее постелью и о чем-то говорил с парой пожилых врачей. При появлении аскета, все трое встали, а заведующий шагнул навстречу.

– Как она? – спросил Андрей.

– Мы сделали, что смогли, – произнес молодой врачеватель, и слова звучали как приговор. – Дальше дело за ней... и за вами.

Аскет кивнул и встал на колени в изголовье, сложив ладони в виде пламени свечи.

– Чертова шпана, – прошептал Илья. – Никакой управы на них нет. Вожака удушили недавно – и дня не прошло, как появился новый. А Бондарю дел до босяков нет, ему лишь бы купцов трясти.

– Они сироты? – тихо спросил аскет, не размыкая глаз.

– Нет, просто беспризорники. Родители с утра до ночи на работах, заниматься детьми некому. Вот и шастают по подворотням, пропащие души. Взрослые им не по зубам, а малышей задирают страшно. Но ничего, подрастут, заматереют и всех достанут. Ладно, что воздух попусту трясти. Если понадобится – ищите в подвале.

Андрей до вечера как истукан простоял у кровати, моля Свет о здоровье девочки. За все это время девочка даже не пошевелилась, ее грудь очень медленно вздымалась и опадала, а издали казалось, будто бедняга уже за чертой.

Близилось ночное бдение, а перед ним следовало закончить все дела, дабы ничто не отвлекало до самого утра. Мужчина покинул больницу, миновал небольшую, но ухоженную

лужайку и вошел в храм. Посреди круглой комнаты на возвышении стояла восковая свеча размером с доброе полено. Огонек величиной с яблоко плясал на кончике фитиля, желтые капли катились на постамент. Больше ничего в обители Света не было – ни картин, ни драгоценностей, ни даже мраморных плит – только голый камень.

Свечу сменили совсем недавно, священник в черной сутане с глубоким капюшоном скребком счищал остатки воска с пола. При появлении соратника он поднялся и низко поклонился.

– Здравствуй, брат, – сказал Андрей. – Я пришел исповедаться.

Мужчины встали на колени друг напротив друга, разделенные ярким пламенем. Поздним вечером храм пустовал, и никто не мог помешать таинству.

– Сегодня мной овладел гнев, далекий от праведного, – сказал странник, неотрывно смотря прямо в огонь.

– Кто или что вызвал его? – раздался шелестящий голос с той стороны постамента.

– Близкому мне человеку причинили сильную боль.

– Это сделали смертные?

– Да, иначе я бы разрубил их на мелкие кусочки.

– Успокойся, брат. Твое сердце гремит как набат. Давай повторим строки Пресветлого Писания, где упоминается гнев.

Мужчины сложили ладони перед собой и вместе забормотали:

– Гнев – дверь на Ту Сторону. Гнев – маяк для Тьмы. Гнев, направленный на смертные души, несет только зло, а рядом со злом неотрывно шествует Тьма. Гнев придает каплю сил, а отнимает сторицей. Гнев ослабляет дух, и сквозь него, как через решето, устремляется Тьма.

В храме воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечи. Вскоре священник продолжил:

– Но нельзя отринуть одно чувство, даже самое темное, не заменив иным, светлым. Чем нужно замещать гнев, брат?

– Милостью.

– Что дарует нам милость?

– Спокойствие.

– Зачем нам нужно спокойствие?

– Для постижения беспристрастия.

– Ради чего мы стремимся к нему?

– Чтобы в гневе не покарать невинных.

– Молись, брат, пока свежая капля воска не прольется на пол. Успокой душу, и это уберет от необдуманных поступков. Да озарит Свет тебя и твоих близких.

Бондарь вернулся домой засветло в сопровождении отряда опытных стражников. Жил он в роскошном двухэтажном срубе неподалеку от северных ворот. В отличие от большинства домов, вплотную липших друг к другу, жилье сотника окружал просторный двор с клумбами полевых цветов, а толстеному забору позавидовал бы и острог.

У мощных бревенчатых ворот дежурила пара крепких парней в кольчугах и остроконечных шлемах. Когда хозяин отослал охрану и миновал калитку, к нему бросилась свора кудлатых волкодавов – целых пять голов, настоящее клыкастое войско, способное за считанные секунды расправиться с шайкой вора.

Услышав заливистый лай, на крыльцо выглянула красавица жена – полнотелая молодуха с румяными щеками и тугой русой косой. Она носила не сарафан, как местные девушки, а расшитое золотом красное платье с глубокими разрезами на бедрах – подарок знатного турецкого купца, везшего на север кое-что запрещенное, и потому вынужденный дать солидную взятку.

– Пожрать готово? – вместо приветствия раздраженно бросил бородач.

Жена кивнула и скрылась за дверью. Бондарь велел псам сторожить двор и вошел в светлицу с ворсистым ковром на полу, дорогими картинами на побеленных стенах и мебелью из черного дерева. Стол тут был не длинный, как в любой другой ладинской избе, а круглый, и стоял подле окна, а не рядом с теплым печным боком.

Вместо лавок кругом стола стояли крепкие кресла с подлокотниками, мягкими сиденьями и высокими спинками – настоящие троны. Вместо привычной глиняной посуды жена выставила тонкие, почти прозрачные фарфоровые чашки и миски. В них исходили паром сочные ломти тушеной свинины без единой прожилки сала, от обилия соусов и приправ голова шла кругом, а о фруктах в серебряных вазах большая часть населения княжества и слухом не слыхивала.

– Нравится? – спросил сотник.

Виверна запихнул в рот кусок банана и удовлетворенно кивнул. До этого наемник в один присест умял две тарелки мяса со свежими овощами, и теперь сыто отдувался, развалившись в кресле.

– Выпить бы, – икнув, сказал он.

– Выпьешь, когда изловишь Душителя. А пока только чай или кофий.

– Гадость твой кофий. Горький, аж скулы сводит.

– Ни черта ты не понимаешь в изысканных напитках! Наташка, ну-ка свининки еще при-тащи, да побыстрей. А я сейчас вернусь.

Бондарь ушел на кухню и остановился у люка в полу, по крепости вполне сопоставимым с входной дверью. Брусья из молодых дубков сковала толстенная сталь, засов с трудом удержали бы на весу два человека, а хитроумный замок не взломал бы ни один ладинский вор, ибо никто в Ладине таких устройств отродясь не видывал.

Хозяин достал из-за пазухи связку ключей, больше похожих на причудливые ювелирные украшения – столь необычны были изгибы бороздок, и отпер замок. Тяжеленные створки поднялись сами как по волшебству, открыв путь в выложенный камнями подвал. Здесь хранились вовсе не склянки с соленьями или пивные бочки, а огромный стальной сундук с еще более хитрым замком, созданным таинственными южными кузнецами.

Под невообразимо тяжелой крышкой, поднимаемой все теми же неведомыми штуковинами, которые турские алхимики с придыханием называли механизмами, хранилась личная казна сотника. Тысячи, а быть может и десятки тысяч золотых монет до краев наполняли емкость, куда с легкостью бы поместились два таких великана, как Тарас.

В тот вечер к несправедливо нажитому богатству добавилось содержимое небольшого кожаного мешочка – плата за провоз контрабанды от одного торговца из Инрока. С любовью поглажив звенящее золото, алчный мздоимец тщательно все запер и вернулся в светлицу. Усевшись напротив Виктора, он принялся жадно поглощать мясо, беря куски голыми руками и похрюкивая как свинья. После первой тарелки всю его бороду сплошь покрывали капли жира и кусочки овощей, но Бондарь не обращал на грязь никакого внимания.

– Ох, хорошо, – сотник похлопал себя по животу и рыгнул. – Женка, иди доедай!

Стоявшая в углу красавица вздрогнула и подошла к столу. Муж позволял ей есть лишь после того, как насыщался сам.

– Ну что, Виверна... в кости, может, поиграем? Нечасто мне удается сразиться с достойным соперником, а эта дура все правила никак запомнить не удосужится.

Наташа покраснела и опустила взгляд.

– А ты, говорят, страстно удачливый игрок. А, Виверна, сразимся?

– Отчего же, – наемник откинулся на спинку и скрестил руки на груди. – Давай сыграем. Только на деньги.

– Ну, а на кой черт просто так играть? Никакого ж интереса!

– И на деньги хорошие, Бондарь. На серебро иди с босьями играй.

– Да ладно тебе, – бородач расплылся в сальной улыбке. – Разве могу я обидеть дорогого гостя? На золото – так на золото. Эй, ты чего вытаращился, словно призрака увидел?

На крыше дома напротив торчал флюгер на высокой – в рост человека – жерди, привязанной к печной трубе. Секунду назад деревянный петушок с разноцветным хвостом покачивался из стороны в сторону, а теперь замер, как при полном безветрии. На самой верхушке флюгера из ниоткуда возникла тощая фигура в кожаном плаще. Из-за черных бинтов, обмотанных вокруг всего тела, издали казалось, что традиционное турецкое одеяние висит в воздухе безо всякой опоры.

Виверна мог поклясться, что услышал звон цепи даже с такого расстояния. Ржавые звенья выскользнули из рукава, тускло сверкнув в свете луны. Какое-то время ничего не происходило, а затем псы просто сошли с ума.

– Прячься, – шепнул наемник, выхватив саблю с клинком из чистого серебра.

Пришлось повторить дважды – сотник сидел ни жив ни мертв, бледный как фарфор, с остекленевшим взглядом и опавшей челюстью. Лишь услышав громкий окрик, он со всех ног рванул на кухню, сметая бородой со стола все чашки и опрокинув кресло.

Виктор осторожно приблизился к окну и выглянул на улицу. Задремавшие на посту стражники суетливо оглядывались, не понимая, из-за чего беснуются волкодавы. А когда поняли – стало уже слишком поздно. Темное колдовство или иная сила вмиг переместила фигуру с крыши к воротам. Два удара цепью – и опытные бойцы распластались на земле.

Существо, чем бы или кем оно ни было, не стало их душить, и в один прыжок перемахнуло через забор. Матерые кобели, не боящиеся ни волков, ни медведей, ни степных львов, тут же с диким визгом умчались прочь, поджав лохматые хвосты.

Теперь от чудовища наемника отделяли десяток шагов и крепкая дверь, однако на нее надежд было мало: Кожаный плащ просто прошел сквозь брусья и сталь. Виверна отступил на шаг, выхватил свободной рукой заговоренный кинжал и метнул в голову врага. Чародейское железо пролетело как через туман, не оставив ни царапины, ни иного следа.

Удар саблей наотмашь тоже не привел ни к чему. Серебро и магия порождение Тьмы не брали, и надеяться на пропитанные ядом пустынного скорпиона стрелы было не очень-то разумно. Но охотник страстно желал в кой-то веки уделать аскета и сорвать куш, да и обещанная Бондарем сотня золотых за охрану не помешала бы.

Поэтому Виктор не собирался так просто отступать. Он метнул второй кинжал (с тем же результатом), отбросил саблю и выхватил из-за спины гордость своего снаряжения – рунический меч из небесного железа, подаренный знаменитым истребителем нечисти с далекого, Светом забытого материка.

Видимо, это оружие могло ранить тварь, и она перестала с упорством барана лезть под удары. Теперь черное существо исчезало в одном месте и в мгновение ока появлялось в другом, словно предугадывая действия соперника. Как Виктор не старался подловить гада, какие обманки и финты не использовал, тварь всегда была на шаг впереди. Наемнику пришлось отступить ко входу на кухню, иначе порождение Тьмы могло просто очутиться у него за спиной или сразу проникнуть в погреб.

Замерев в стойке, Виверна услышал тихие всхлипывания за спиной. Повернув немного меч, в отражении блестящего как зеркало клинка он увидел Наташу – она забилась в угол и с ужасом наблюдала за схваткой, дрожа всем телом и беззвучно рыдая.

– Какого черта сотник тебя не спрятал? – рявкнул Виктор.

Девушка ничего не ответила – лишь заплакала пуще прежнего.

Отвлекаясь он зря – Плащ немедленно воспользовался невнимательностью наемника, обхватил меч цепью и одним рывком выбросил в окно. Оставшись безоружным, Виверна выругался и потянулся за луком, но в следующую секунду уже врезался в стену со скоростью, с какой обычные люди не передвигаются при всем желании.

Наташа вытаращенными глазами наблюдала, как могучий воин развалился под стеной словно мешок картошки. А после услышала звук, от которого сердце едва не остановилось – скрежет железа по дощатому полу, медленный, тихий, но неумолимо приближающийся.

Подняв взгляд, хозяйка увидела нависшую над ней черную фигуру и упала без чувств. Существо чуть склонило голову, будто хотело лучше разглядеть девушку, и продолжило путь в направлении подвала. Встав посреди несокрушимого люка, оно провалилось в него как в воду, наплевав на молодые дубки, пудовый засов, стальные заклепки, механизмы и хитроумный замок.

Ржавые звенья упали на холодный каменный пол, и от жуткого звона Бондарь чуть не оглох. Он вскочил с сундука, дрожа всем телом, и открыл крышку. Злато заиграло в тусклом свете свечного фонаря.

– Подожди! – заикаясь и проглатывая слоги, крикнул мздоимец. – Посмотри, сколько монет! В телегу не влезут! Забирай все, только оставь меня в покое! Сколько бы тебе не заплатили, здесь в сотни, в тысячи раз больше!

Тварь вновь наклонила голову набок, как ничего не понимающая собака. И шагнула к цели.

– Да стой ты! У меня есть еще! Золотые мечи, серебряные булавы, драгоценности, платье женки... Знаешь, сколько оно стоит? Бери все!

Еще один шаг, еще один оглушительный скрежет.

Сотник упал на колени, его бледное лицо сделалось красным и сморщилось, будто он жевал лимон. Бондарь был смел лишь в окружении верной стражи, а сейчас мямлил сквозь слезы и сопли:

– Забирай дом! Все забирай! Пощади, пощади!

Завывания и причитания сменились надсадным хрипом. Истинный владыка Четырех Трактиров окаменел и выпучил глаза, чувствуя, как звенья все глубже впиваются в шею. Лопнула кожа, затрещал позвоночник, а существо все тянуло и тянуло цепь, пока бородатая голова не шлепнулась в кучу монет. По желтому металлу потекли алые ручейки, но на лице Бондаря застыла дьявольская ухмылка – ведь после смерти блестящая прелесть окружала его со всех сторон, чем он определенно остался доволен.

Едва первые утренние лучи упали на бледное лицо Веры, она рывком села на кровати и схватила за голову.

– Тише, тише, – ласково произнес Андрей, уложив подопечную на место и укрыв одеялом. – Все хорошо, ты в безопасности.

Не успел аскет порадоваться возвращению девочки в мир смертных, как двери лекарни с грохотом отворились, а помещение наполнил звон кольчуг и топот тяжелых сапог. Не меньше двух десятков стражников устремились напрямик ко входу в подвал, четверо из них волокли носилки, накрытые пропитанной кровью простыней.

Отряд сопровождал незнакомый пожилой мужчина с гладко выбритым сухощавым лицом, крючковатым носом и длинными волосами, которые каким-то чудом все еще не тронула седина. Старик носил добротный красный кафтан и при ходьбе опирался на крепкий посох, отчего сильно смахивал на волхва или колдуна.

Подойдя к страннику (тот отметил, как сильно хромал незнакомец), он поклонился и с тревогой произнес:

– Господин аскет, разрешите вас отвлечь. Приключилась страшная беда.

– Отдыхай, – Андрей провел тыльной стороной ладони по щеке сироты и вышел на крыльцо.

– Меня зовут Никанор, – откашлявшись и постучав себя по груди, сказал старик. – Я – городской голова. По крайней мере, на бумаге.

– Что стряслось?

– Сперва ответьте, знаком ли вам наемник по имени Виктор Виверна?

– Да. Наши пути пересекались несколько раз... Но не скажу, что я был сильно этому рад. Он опять натворил какую-то пакость?

– Ох, – Никанор оперся на посох и сокрушенно покачал головой. – Если бы пакость. Сотника нашего порешил!

Аскет удивленно вскинул брови, хотя делал это ой как нечасто. Услышанное его буквально ошеломило, он не мог поверить собственным ушам.

– Вы уверены? Виктора, конечно, добряком не назовешь, но он определенно на стороне Света. Он же охотник на нечисть.

– Ступить на темную дорожку никогда не поздно – так сказано в Писании.

Андрей кивнул.

– Ночной дозор видел, как Виверна вышел из дома сотника, оставив за собой двух избитых до полусмерти охранников. Стражники не стали задерживать его на месте преступления, ведь прекрасно знали, на что способен этот душегуб. Зато осмотрели хоромы Бондаря и обнаружили следы знатной драки, но не его самого. Наташка, хозяйская женка, валялась без чувств в углу, а когда ее растормошили и спросили о муже, молча указала на погреб. Вскрыть замок не удалось, пришлось разбирать пол... Для такого дела вызвали меня, чтобы все как положено, с документами и печатями... В общем, нашли мы в подвале сотника... без головы.

Градоначальник достал из кармана платок и утер покрытое холодным потом лицо.

– Думаю, Наташка положила глаз на Виктора и подговорила порешить муженька. Охотник-то молодой, сильный, а муж, Свет прости, для такой кобылки староват... был. Я вас, господин аскет, прошу выступить свидетелем в суде. Скажете, что Виверна – подлец, страстолюбец и алчен до злата, ну а потом его... как и бедного Бондаря, – Никанор провел большим пальцем по горлу.

– Здесь какая-то ошибка, – нахмурился Андрей. – Если погибшего нашли в запертом подвале, то причем тут вообще охотник?

– Никакой ошибки, господин хороший. Все просто до безобразия. Стажил у бедолаги ключи, отпер замок, спрятал обезглавленное тело, закрыл замок – и, мол, я не я. Еще что-то про призрака орал, подонок. Меч у него видали какой? Таким только головы рубить. Сейчас Илья тело осмотрит и заключение вынесет, чем нашего защитника порешили.

Вскоре из подвала вышел врачеватель и приблизился к мужчинам.

– Ну? – с нетерпением спросил голова.

– Шея рассечена тонким острым предметом с одного удара, края раны очень ровные. Уверен, сотника убили тяжелым двуручным мечом.

– Вот! – старик всплеснул свободной рукой. – О чем и речь. Жду вас завтра утром в управе на честном суде.

– Непременно буду, – молвил лекарь. – За сим прошу откланяться, у меня много дел.

– Где сейчас Виверна? – спросил Андрей, глядя Илье в спину.

– В яме, где же еще. Вместе с Наташкой. Пришлось послать целое войско, чтобы схватить злодея, да и то чуть не удрал. Эй, вы куда?

Аскет быстрым шагом добрался до северной башни и спустился в подземелье. Стражники не смели заступать ему дорогу, даже не спрашивали, куда это он собрался. Остановившись на краю глубокого котлована, странник разглядел в полумраке пленников. Они стояли по щиколотки в нечистотах, и Наташа на самом деле жалась к Виктору, но лишь потому, что вокруг копошились лиходеи, больше похожие на оживших мертвецов.

Из ямы несло головокружительным зловонием, Андрей, часто бывавший в катакомбах и не раз зачищавший логова нежити, и то невольно сморщил нос.

Наемник заметил появление давнего знакомого и поднял голову. Выглядел он крайне паршиво – на лице живого места не осталось от синяков и ссадин, голый торс покрывала засохшая грязь. И тем не менее Виверна улыбался – ему еще повезло, что зубы уцелели.

– Рад, небось, – хрипло крикнул охотник. – Давно об этом мечтал?

– Умолкни, – сердито ответил аскет. – Лучше расскажи, что произошло в доме сотника.

– Так умолкнуть или рассказывать?

Андрей вздохнул и покачал головой:

– Я рад крепости твоего духа. Надеюсь, на плахе она не ослабнет.

– А чего зазря трепать языком? Тут, знаешь, особо не поговоришь. Только рот откроешь – туда будто навоза насыпают. И разве ты не веришь страже?

– Порой я не верю даже себе. Ответь, или выпутывайся сам.

Виктор вздохнул:

– Какая-то тварь напала на нас. Никогда не встречал такой прежде. Она вмиг вырубил охранников и проникла в дом. Я продержался подольше, но тоже не смог ни черта сделать.

– Что ты вообще забыл у Бондаря?

– Он нанял меня. Принесся в трактир, бледный как полотно, пообещал сотню золотых за охрану. Когда я спросил, почему он так боится, бородач что-то пробубнил про предупреждение аскета. Это ты его, что ли, так напугал?

– Лишь предупредил. Опиши существо во всех подробностях.

– С виду вроде человек – две руки, две ноги, одна голова. Хвоста, рогов и крыльев точно нет. Высокий, тощий, весь замотанный в черные бинты. Из одежды только кожаный турецкий плащ. Носит ржавую цепь в рукаве – ею всех и кончает. Умеет перемещаться с места на место – вот и все.

– Точно? Ничего не упустил.

Охотник пожал плечами и мотнул головой.

– Наташа, ничего не хочешь добавить?

Девушка дрожала и выпученными глазами незряче смотрела перед собой. Убийство мужа и последующие события так напугали ее, что попытки добиться внятного ответа не имели никакого смысла.

– Ах да, чуть не забыл – оно еще сквозь стены проходить умеет.

– Ничего пока неясно, но попробую вам помочь. Надеюсь успеть до утра – а то вряд ли суд затянется.

– Умеешь поддержать, – фыркнул Виверна.

– Поддержите себя молитвой. Это единственное, что вам осталось.

Бредя по забитой торговым людям улочке, аскет пытался собрать полученные сведения в единое целое, дабы наконец понять, с чем имеет дело. С одной стороны, тварь проявляла все признаки неупокоенного духа – мгновенные скачки с места на место, прохождение сквозь стены, появления то там, то тут... С другой, призраки никого не душат цепями и уж тем более не отрезают головы. Они никак не могут взаимодействовать с веществом и двигать предметы, а только пугают, являются во снах и бередают слабые души.

Нечто в плаще скорее напоминало демона – коренного обитателя Той Стороны, каким-то образом прорвавшегося в мир смертных. Однако на кой ляд порождению Тьмы строить из себя народного мстителя? С каких это пор потусторонние твари ведомы пусть и совершенно извращенным, но все же чувством справедливости?

Подобное возможно лишь в том случае, когда демона кто-то призвал и целенаправленно раздает указы карать всех, кого считает виновными. Но кто он? Могущественный колдун? Искать чародея в оживленном городе на перекрестке можно годами, но все же аскет решил поспрашивать по трактирам, не остановился ли у них какой иноземный кудесник.

Как и ожидалось, в первых трех заведениях таковые постояльцы были, но давно съехали. А вот хозяин южного «Оазиса», тот самый Алу, обещавший скидку на все сорта пива, поведал весьма занимательную историю.

Стоило Андрею войти в просторный шатер из шкур, и он словно перенесся в самое сердце турской степи. Весь пол устилали бархатные подушки и мягкие тюфяки, на них полулежали закутанные в плащи и халаты смуглые купцы. Курили длинные трубки, постукивали костями и нардами, негромко переговаривались и не обращали на пришельца никакого внимания.

Зато две курчавые девушки в полупрозрачных шароварах и коротких жилетках тут же подскочили к гостю и наперебой зашебетали на родном языке. Аскет неплохо знал турецкий, но попросту не успел пообщаться с южными красотками – из-за ширмы вышел усатый толстяк в расшитом золотом халате и велел разносчикам вернуться к работе.

Подойдя к посетителю, он поклонился на турецкий лад – изящно взмахнув правой рукой как лебединым крылом, и вежливо произнес с едва заметным акцентом:

– Добро пожаловать, слугитель Света. Подозреваю, вы явились сюда не за табаком, степным чаем или игрой в нарды.

– Ваша прозорливость достойна уважения, – Андрей склонил голову в ответ. – Хочу задать вам всего один вопрос: часто ли в этом чудном шатре останавливаются колдуны?

– Когда как. Зимой и весной чаще, летом и осенью реже. Долго обычно не задерживаются – на день-два, а потом продолжают ведомый им одним путь. И не только колдуны тут бывают, но и прорицатели, алхимики, даже механики. Вы кого-то определенного ищите?

– Увы, нет. А что-нибудь необычное случилось в последнее время?

Алу горько вздохнул и кивнул:

– Две недели назад нас постигла страшная утрата. Степной отшельник, почитаемый моим народом как святой, сильно захворал сердцем. Я немедленно послал за лекарем и снарядил гонцов в Тур, дабы позвать самых умелых врачей княжества. Но бедный старик, да растворится душа его в вечном Свете, не дождался подмоги и помер в местной больнице.

– Что стало с телом?

– Со всеми почестями отвезено на родину. Ахан был очень стар и загодя позаботился о собственной усыпальнице.

– Большое спасибо за помощь.

Андрей уже откинул полу шатра, когда услышал за спиной вкрадчивый голос хозяина:

– Вы ведь не знаете, чем занимался Ахан в молодости?

Аскет качнул головой.

– Боролся с чудовищами подобно вам. Но ваша сила в пылающих мечях, а у него имелось оружие пострашней. Никто и никогда не видел его, но ни одна тварь не ушла от карающей длани Ахана. Будьте осторожны, друг мой. Крайне осторожны.

– Буду, не сомневайтесь. Но вы неправы в одном – наша сила далеко не в мечях. Всего хорошего.

Покинув «Оазис», Андрей направился напрямик в аптеку. Разрозненные кусочки начали потихоньку складываться в замысловатую мозаику, но белых пятен было еще предостаточно, в отличие от времени.

Странник толкнул дверь и осторожно вошел в прохладное, остро пахнущее травами помещение. Илья как раз снял бинты с головы Веры и смазывал на удивление быстро рассосавшуюся шишку целебной мазью. Мужчина поднял голову и молча кивнул, после чего вернулся к работе. Издали страннику показалось, будто сирота слабо улыбнулась при его появлении, но усталые немолодые глаза могли и подвести.

– У меня к вам несколько вопросов, – сказал Андрей, присев на край свободной койки.

– Задавайте, – спокойно ответил врачеватель.

– Пару недель назад в этих стенах скончался старик по имени Ахан. Помните такого?

– Разумеется. И вряд ли забуду до конца дней своих. Южане буквально осадили лекарню, тщательно наблюдая за каждым моим действием. Грешно так говорить, но я рад, что степняк умер от старости, иначе не сносить мне головы.

– К головам вернемся чуть позже. Скажите, у покойного были с собой необычные вещи? Амулеты, старинные лампы, заговоренное оружие?

– Нет, ничего такого. Я вообще сперва принял его за нищего. Пыльная одежда, потрепанные сандалии, кусок черствого хлеба и горсть монет – вот и все имущество.

– Что же, – аскет устался в пол и вздохнул, – позвольте тогда осмотреть тело сотника.

– Зачем? – раздраженно бросил Илья.

– Уверен, его обезглавили не мечом.

– Сомневаетесь в моем опыте?

– Все порой ошибаются. Разве нет?

Лекарь дрогнувшей рукой отодвинул плоску с мазью и сурово взглянул на собеседника.

– Андрей, я руковожу больницей не из-за влиятельного отца. Не из-за связей матери. Не из-за собственного умения влезать в нужные общества. Я здесь, потому что пятнадцать лет безукоризненно служу на благо народа. Я спас столько жизней, сколько вы сосчитать не сможете. И уж поверьте – я прекрасно отличаю резанные раны от каких-либо других.

– Простите, если обидел, – смиренно ответил аскет. – Но я настаиваю на личном осмотре. Разве это сложно? С Тарасом сложностей не возникло.

Лекарь втянул полную грудь воздуха, будто собираясь выдать еще более длинную и гневную речь, но внезапно утихомирился и даже улыбнулся.

– Хорошо. Как вам будет угодно. Все равно не отвяжетесь. Идемте.

Они спустились в затхлый сырой подвал, и лекарь указал рукой на тело Бондаря. Как только аскет склонился над ним, Илья достал из кармана квадратную железную табличку, испи-санную языком народа, давно сгинувшего в водовороте эпох. И дважды провел большим пальцем по невообразимо древнему, но до сих пор нетронутому ржавчиной амулету.

– Илья, не хочу ни в чем вас обвинять, – произнес странник из дальнего угла, – но даже невооруженным глазом видно, что голову сняли далеко не мечом. Края рваные, кости раздробленные... шею словно перетерли. Илья?

Андрей обернулся и увидел перед собой черную фигуру в кожаном плаще. Врачеватель, привалившись спиной к стене рядом с лестницей, лениво подбрасывал пластинку на ладони.

– Займись уже делом, – наконец сказал он.

И в тот же миг в аскета полетела цепь. Но мужчина, к немалому удивлению хозяина призрака, успел выхватить оружие и рубануть по звеньям. Вспыхнувший клинок с первого удара отсек от цепи кусок в предплечье длиной, но существо лишь тряхнуло рукой, и цепь с дьявольским скрежетом полезла из рукава. Секунда, и она полностью восстановилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.